

ЛУИЗА МЭЙ

ОЛКОТТ

**МАЛЕНЬКИЕ
ЖЕНЩИНЫ**

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Луиза Мэй Олкотт

Маленькие женщины

«Издательство АСТ»

1868

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Олкотт Л.

Маленькие женщины / Л. Олкотт — «Издательство АСТ»,
1868 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-155077-6

Роман «Маленькие женщины» повествует о судьбах четырех сестер Марч – добросердечной красавицы Мэг, «сорванца в юбке» Джо, кроткой и нежной Бет и талантливой фантазерки Эми. Гражданская война идет далеко на Юге, но ее грозные отголоски достигли дружной семьи небогатого провинциального пастора Марча – сам он ушел на фронт полковым священником, и жена с дочерьми, как и множество других американок, день за днем живут в страхе трагических известий. Однако война не в силах помешать девочкам взрослеть и превращаться в юных девушек. Девушек с их обычными и трогательными девичьими мечтами и надеждами, радостями, горестями и, конечно, первой любовью..

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-155077-6

© Олкотт Л., 1868

© Издательство АСТ, 1868

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	13
Глава третья	20
Глава четвертая	27
Глава пятая	34
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Луиза Мэй Олкотт

Маленькие женщины

*О, книжища моя! Неси привет
Всем, кто тобою, скромною, согрет.
Ты истину хранишь в своей груди,
Так укажи же путь им, приведи
К добру, – на путь Паломника, чисты,
Да ступят, – и верней, чем я иль ты.
О Милосердши ты поведай им,
Чьей кротостью путь начат и храним.
Жизнь вечную и мудрость твой напев
Пуускай ценить научит юных дев;
Ведь и дитя за Господом идти
Способно по священному пути!*

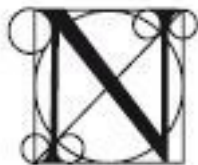
Джон Бенъян

Серия «Эксклюзивная классика»

Louisa May Alcott
LITTLE WOMEN

Перевод с английского *О. Лемпицкой*

Стихи в переводе *Т Порошиной, Н. Сидемон-Эристтави*

Школа перевода В. Баканова, 2022

© Перевод, стихи. Н. Сидемон-Эристтави, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава первая

Игра в пилигримов

– Что за Рождество без подарков? – простонала Джо, лежа на коврик у камина.
– Как ужасно быть бедной!.. – вздохнула Мэг, глядя на свое поношенное платье.
– Почему у некоторых девочек куча красивых вещей, а у некоторых ничего нет? Это несправедливо! – обиженно шмыгнула Эми.

– Зато мы есть друг у друга, а еще – папа и мама, – примирительно произнесла Бет.
Четыре юных личика, на которых играли отблески огня, на мгновение посветлели, но когда Джо грустно возразила, вновь омрачились:

– Папы нет и еще долго не будет.

Она не произнесла: «А может, вообще не вернется», но каждая из сестер подумала то же самое, вспомнив, что отец сейчас далеко на полях сражений².

Минуту все сидели в тишине, потом Мэг сказала совсем другим тоном:

– Мы знаем, почему мама решила обойтись без подарков на Рождество! Зима будет тяжелой, и негоже бросать деньги на ветер, пока мужчины терпят лишения на фронте. Мы не в силах облегчить их участь, однако можем принести маленькую жертву и должны сделать это с радостью. Только вот не выходит...

Мэг грустно покачала головой, представляя красивые вещицы, от которых приходилось отказываться.

– Вряд ли наши сбережения помогут армии – у нас всего-то по доллару. Эта сумма ничего не решит! Я не буду ждать подарков от мамы или от вас, но куплю «Ундину и Синтрама»³! Я давно о ней мечтаю! – воскликнула Джо, большая любительница книг.

– А я копила на новые ноты... – сказала Бет и вздохнула так тихонько, что ее услышали лишь каминная щетка и подставка для чайника.

– Я куплю коробку цветных карандашей! Они мне просто необходимы! – решительно заявила Эми.

– Про карманные деньги мама ничего не говорила, она же не хочет, чтобы мы совсем от всего отказались! Давайте потратим доллар на свое усмотрение – немного побалуем себя. Я уверена, мы заслужили! – воскликнула Джо, браво щелкнув каблуками, как делают мальчишки.

– Я точно заслужила! – жалобно протянула Мэг. – Целыми днями учу этих надоедливых детей вместо того, чтобы спокойно сидеть дома...

– Мне в два раза хуже! – возразила Джо. – Попробуй-ка проводить дни напролет наедине с раздражительной и капризной старушкой, которая без конца гоняет тебя туда-сюда, придирается и ворчит без остановки – я готова в окно выпрыгнуть или зарыдать!

– Грешно жаловаться, но я думаю, нет работы хуже, чем мыть посуду и убираться. Это нудно, и руки грубеют – музицировать невозможно! – Бет посмотрела на шершавые пальцы и вновь вздохнула – на этот раз вздох слышали все.

– Где вам до моих страданий! – воскликнула Эми. – Вы не ходите в школу, где противные девчонки издеваются, если ты не выучила урок, называют твоего папу бедным, дразнят из-за курносого носа, и смеются, что у тебя платья недостаточно *легантные!*

– Платья бывают «элегантными», – с улыбкой поправила Джо. – «Легантные» кого хочешь рассмешат.

² Действие книги происходит во время Гражданской войны между Севером и Югом (1861–1865). (Здесь и далее – прим. пер.)

³ «Ундина и Синтрам» (1811) – сказочная повесть немецкого писателя Фридриха де ла Мотт Фуке (1777–1843).

– Твой тон совершенно неуместен. Я стараюсь *разнообразивать* речь и расширять *словесный запас!* – с достоинством парировала Эми.

– Не ругайтесь, девочки! Джо, ты разве не скучаешь по тем временам, когда мы были маленькими, и папа был еще богат? Не потеряй он деньги, жили бы мы сейчас счастливо и беззаботно!.. – Мэг была самой старшей и помнила лучшие времена.

– Ты сама недавно сказала, что мы счастливей детей Кингов, потому что, хоть они и богаты, но вечно ссорятся и ругаются.

– Верно, Бет! Мы и правда счастливей. Пусть нам приходится работать, зато мы, выражаясь словами Джо, «чертовски веселая компания».

– Да, Джо любит жаргонные словечки, – заметила Эми, укоризненно глядя на сестру, растянувшуюся на коврик у камина.

Джо тем временем села и принялась насвистывать, засунув руки в карман передника.

– Перестань, Джо! Свистят только мальчишки!

– А я что, хуже?

– Не люблю грубых и неженственных девочек!

– А я ненавижу жеманных дурочек!

– «Пташки в гнездышке, не ссорьтесь!» – пропела вечная примирительница Бет с таким забавным выражением лица, что «пташки» смягчились, заулыбались и на время оставили пререкания.

– Вы обе хороши, девочки! – на правах старшей сестры взялась читать нотации Мэг. – Ты, Джозефина, уже не в том возрасте, чтобы вести себя, как мальчишка – пора бы остепениться. Вон какая выросла и уже носишь взрослую прическу, помни, что ты юная леди!

– Вот еще! Если высокая прическа сразу делает из человека «юную леди», я буду носить две косы, пока мне не стукнет двадцать! – фыркнула Джо, стащив с головы сеточку, и тряхнула каштановой гривой. – Неужели скоро придется носить длинные платья, выглядеть чопорно, как китайская астра, и превратиться в мисс Марч? Тяжело быть девочкой, когда любишь мальчишечьи игры, их занятия и манеры! Почему я не родилась мальчиком? Сейчас особенно обидно – я все отдала бы, чтобы сражаться вместе с папой, а вместо этого вынуждена сидеть дома и вязать, как дряхлая старушка! – Джо яростно взмахнула синим недо-вязанным носком так, что спицы зазвенели, как кастаньеты, а клубок укатился в дальний угол.

– Бедняжка Джо! Ничего не поделаешь, зато ты переделала свое имя на мужской манер, и мы с девочками относимся к тебе как к старшему брату, придется довольствоваться этим! – утешила Бет, глядя непокорные кудри сестры. Пусть пальцы Бет и загрубели, однако ее прикосновения не стали менее нежными от мытья посуды и уборки.

– А ты, Эми, – продолжила Мэг, – слишком уж шепетильная и чопорная! Сейчас, пока ты маленькая, это забавно, но если продолжишь в том же духе – вырастешь манерной гусыней. Мне нравятся твои хорошие манеры и изысканная речь, однако не переусердствуй, а то твои нелепые слова не лучше вульгарных выражений Джо!

– Джо – сорванец, Эми – гусыня, а я тогда кто? – спросила Бет, тоже готовясь к отповеди.

– Ты милое создание, больше ничего не добавишь! – ласково ответила Мэг, и все молча согласились, так как тихоня Бет была всеобщей любимицей.

Юным читателям обычно интересно, как выглядят герои, поэтому, пока четыре сестры вяжут в декабрьских сумерках у весело потрескивающего огня, уделим минутку, чтобы набросать их портреты. Сама комната была уютной, несмотря на старую простенькую мебель и потертый ковер. Зато на стенах висела пара хороших картин, повсюду стояли книги, на подоконнике красовались хризантемы и рождественские розы, а в воздухе царили мир и уют.

Маргарет, старшей из сестер, исполнилось шестнадцать, она была настоящей красавицей – беленькая, пухленькая, с большими глазами, пышными каштановыми волосами, аккуратным ротиком и белыми ручками, которыми она очень гордилась. Пятнадцатилетняя Джо – высокая,

худая и смуглая, напоминала жеребенка, потому что тоже не знала, куда девать слишком длинные конечности, которые вечно ей мешали. У нее были решительно сжатые губы, смешной носик и пронизательные серые глаза, которые временами взирали на мир сурово, временами лукаво, а временами задумчиво. Главным ее украшением служили длинные густые волосы, чаще всего она прятала их в сетку, чтобы не мешались. Джо сутулилась, у нее были большие кисти рук и ступни, одежда небрежно болталась на нескладной фигуре девочки, которая стремительно превращалась в девушку, не успевая привыкнуть к переменам. Элизабет – или Бет, как все ее называли, – была тринадцатилетней девочкой с румяными щечками, блестящими волосами и ясным взглядом. Говорила она тихо и застенчиво, и лицо ее чаще всего выглядело умиротворенным. «Само спокойствие», – говорил про Бет папа и был совершенно прав. Бет жила в своем мире и общалась только с близкими, давно заслужившими доверие людьми. Эми, хоть и самая младшая, в семье главенствовала (по крайней мере, по ее мнению). Маленькая снежная королева с голубыми глазами и золотистыми локонами, бледная и худенькая Эми всегда старалась помнить о манерах и держаться, как истинная леди. О характерах четырех сестер мы подробнее узнаем в ходе повествования.

Часы пробили шесть, Бет разожгла очаг и поставила к огню домашние туфли. Вид потрепанной обуви подействовал на девочек благотворно – это означало, что мама скоро будет дома, и все повеселели в ожидании. Мэг оставила нотации и разожгла лампу, Эми без лишних напоминаний освободила кресло, а Джо, забыв об усталости, поднялась с коврика, чтобы поднести мамины туфли ближе к огню.

– Совсем износились! Ей бы новые!..

– Я как раз решила купить ей новые на свой доллар, – сказала Бет.

– Нет, я! – вскричала Эми.

– Я старшая... – начала было Мэг, однако Джо решительно перебила:

– В отсутствие папы за мужчину в доме я, значит и туфли покупать мне! Не зря же он велел мне заботиться о маме, пока его не будет.

– Давайте поступим так, – предложила Бет, – все сделаем маме подарок на Рождество, а себе ничего покупать не будем.

– Предложение в твоем духе, дорогая Бет! – воскликнула Джо. – Что же мы ей подарим? С минуту все напряженно думали, затем Бет, взглянув на собственные ручки, объявила:

– Я куплю хорошие перчатки!

– Добротные туфли точно не помешают! – воскликнула Джо.

– Красивые платки с каймой! – добавила Бет.

– А я подарю флакон одеколона – мама любит духи, и стоят они недорого, так что еще останется немного! – решила Эми.

– А как преподнесем подарки? – спросила Мэг.

– Разложим свертки на столе, приведем маму и будем смотреть, как она их распаковывает! Помните, как она делала на наши дни рождения? – ответила Джо.

– Я всегда ужасно стеснялась сидеть в большом кресле с короной на голове, когда все по очереди вручают свертки и целуют. Я, конечно, была рада и новым вещам, и поцелуям, но неловко распаковывать подарки, когда все на тебя смотрят, – призналась Бет – она жарила на огне хлеб, и лицо ее тоже подрумянилось.

– Пусть мама думает, что мы потратим карманные деньги на себя – будет сюрприз! Мэг, завтра же идем в магазин, а то нам еще к рождественскому спектаклю готовиться! – заявила Джо, расхаживая из угла в угол, заложив руки за спину и задрав нос.

– Я участвую в последний раз! Я уже слишком взрослая... – важно заметила Мэг, хотя любила принарядиться не меньше младших сестер.

– Неужели ты откажешься красоваться в белом платье с распущенными волосами и украшениями из золотой фольги? Тебе нельзя уходить, ты наша лучшая актриса, и мы без тебя

пропадем! – сказала Джо. – Сегодня надо порепетировать! Эми, давай-ка повторим сцену с обмороком, а то ты падаешь, как столб!

– Я не виновата! Я никогда не видела, как люди теряют сознание, а шлепаться со всего маху, как ты, и набивать синяки да шишки – нет, спасибо! Если получится аккуратно опуститься на пол, ладно, а если нет, я грациозно сяду в кресло. Мне все равно, если Хьюго бросится на меня с пистолетом! – заявила Эми, которая не обладала актерским талантом, но исполняла роли лирических героинь, будучи достаточно легкой, чтобы злодей в пьесе мог взваливать ее на плечи и похищать.

– Смотри. Молитвенно вскидываешь руки – вот так, шатаясь, идешь через комнату и кричишь изо всех сил: «Родриго! Спаси меня!»

Джо продемонстрировала крик, и получилось воистину душераздирающе.

Эми попыталась повторить – неловко сложила руки, деревянной походкой проковыляла по комнате и пискнула, словно уколола иголкой палец – на ужас и отчаяние никак не походило. Джо застонала, Мэг расхохоталась, а Бет, засмотревшись на забавную сцену, сожгла хлеб.

– Ладно! Сыграй, как сможешь, а если зрители освищут, пеняй на себя. Давай прогоним нашу сцену, Мэг!

Дальше репетиция проходила гладко: Дон Педро произнес две страницы текста о превратностях судьбы без единой запинки; ведьма Агарь нараспев прочла зловещее заклинание над котлом, где булькало зелье из лягушек; заклинание подействовало: могучий Родриго разорвал цепи, а Хьюго погиб, терзаемый муками совести и действием мышьяка.

– Сегодня особенно хорошо получилось! – сказала Мэг, пока мертвый злодей поднимался с пола, потирая локти.

– Не понимаю, как ты умудряешься сочинять и ставить такие потрясающие вещи, Джо! Ты просто Шекспир! – воскликнула Бет, которая свято верила в таланты сестер.

– Не совсем Шекспир, – скромно возразила Джо. – Да, «Заклинание ведьмы, или Романтическая трагедия» вполне приличная пьеса, однако я хотела бы поставить «Макбета»⁴ – жаль, нету люка для появления Банко. Я всегда хотела сыграть убийцу!

Джо закатила глаза и хватаясь за воздух, подражая актерам на сцене, произнесла:

– Кинжал я вижу перед собою?

– Это не кинжал, а вилка для жарки хлеба, а на ней мамина туфля! – воскликнула Мэг, и репетиция прервалась всеобщим хохотом.

– Хорошо, что вы веселы, девочки мои! – раздался у двери жизнерадостный голос.

Актеры и зрители разом обернулись к полной даме, которая излучала материнскую нежность, и выражение ее лица, казалось, говорило: «Чем я могу помочь?» Пожалуй, она не была красавицей, но только не в глазах собственных детей – девочки не сомневались, что под серым плащом и старомодной шляпкой скрывается самая прекрасная женщина на свете.

– Ну что, дорогие мои, как поживаете? Сегодня было столько дел, столько посылок к завтрашнему дню, что я даже не смогла прийти на обед. Бет, кто-нибудь заходил? Мэг, как твоя простуда? Джо, ты выглядишь ужасно уставшей! Иди сюда, поцелуй меня, дитя! – заботливо расспрашивала миссис Марч, снимая промокший плащ.

Затем она надела теплые домашние туфли, устроилась в кресле, усадив Эми к себе на колени, чтобы насладиться лучшим моментом напряженного дня. Девочки засуетились, каждая старалась угодить матери по-своему. Мэг пододвинула к креслу чайный столик; Джо, роняя, опрокидывая и круша все кругом, принесла дров и расставила стулья; молчаливая и сосредоточенная Бет бегала из гостиной на кухню и обратно, а Эми восседала сложа руки и давала указания.

Когда они собрались вокруг стола, миссис Марч объявила:

⁴ «Макбет» (1606) – трагедия Уильяма Шекспира (1564–1616).

– После ужина вас ждет сюрприз!

Лица девочек одно за другим засияли, словно по комнате пробежался яркий луч солнца. Бет захлопала в ладоши, забыв, что держит в руках печенье, Джо, подкинув в воздух салфетку, закричала:

– Письмо! Письмо! Троекратное «ура» в честь папы!

– Да, длинное письмо! Он здоров и думает, что зима будет не настолько суровой, как мы опасались, шлет наилучшие пожелания на Рождество и передает вам, девочки, отдельное послание! – подтвердила миссис Марч и похлопала по карману, где лежала драгоценная весточка.

– Поторапливайтесь! Эми, прекрати оттопыривать мизинчик и ковыряться в тарелке! – крикнула Джо – ей так не терпелось приступить к чтению, что она подавилась чаем и выронила бутерброд на ковер маслом вниз.

Бет больше не притронулась к еде, тихо отошла от стола и села в темном уголке, ожидая, когда остальные закончат трапезу.

– Как благородно с папиной стороны пойти на фронт священником, когда возраст и здоровье уже не позволяют ему сражаться! – тепло заметила Мэг.

– Я пошла бы хоть барабанщиком, хоть этой, как ее... *vivan*⁵... Так они называются? Или хотя бы медсестрой – лишь бы находиться рядом с папой и помогать ему! – простонала Джо.

– Как, должно быть, неприятно спать в палатке, есть невкусную еду и пить из жестяной кружки!.. – вздохнула Эми.

– Мама, он еще долго пробудет там? – дрогнувшим голосом спросила Бет.

– Много месяцев, дорогая... если только не заболеет. Он не уедет и будет честно трудиться, пока хватит сил, и мы не будем звать его домой – он вернется, когда исполнит долг, ни минутой раньше. Идите сюда, я прочту письмо!

Все придвинулись к огню – мама устроилась в большом кресле, Бет села к ее ногам, Мэг и Эми примостились на подлокотниках по обе стороны, а Джо встала за спинкой, чтобы никто не увидел, как она плачет, в случае, если письмо окажется слишком трогательным.

В те нелегкие времена почти все письма были трогательны до слез, особенно те, что писали отцы дочерям. В послании, прочитанном у камина, не было ни слова о тяготах, опасностях и тоске по дому, оно было веселое и обнадеживающее, с красочными описаниями полевой жизни, военных переходов и новостей с фронтов; лишь в самом конце сердце автора переполнилось отцовской любовью и тоской по девочкам, которые ждут его дома.

«Передай дочерям огромный привет и поцелуй от меня! Скажи, что я думаю о них каждый день и молюсь каждую ночь, их любовь для меня – главное утешение. Мы не увидимся целый год, это невыносимо долго, однако напомни, что в ожидании встречи мы должны трудиться, не теряя драгоценного времени. Я уверен, девочки не забудут мои наказания, останутся любящими дочерьми, будут прилежно исполнять обязанности и мужественно бороться с недостатками. К моему возвращению они одержат безоговорочную победу над внутренними врагами, и я буду любить и гордиться моими маленькими женщинами, как никогда раньше!»

На этом месте слушательницы зашмыгали; Джо даже не заметила, как большая слеза упала с кончика ее носа, Эми, не заботясь о растрепанных кудрях, зарылась лицом в материнские колени и зарыдала:

– Какая же я эгоистка! Но я правда-правда буду работать над собой, чтобы папа во мне не разочаровался!

⁵ *Vivandiere* — так называли женщин, которые следовали за полками, торговали съестными припасами и напитками.

– Мы все постараемся! – воскликнула Мэг. – Я слишком беспокоюсь о внешности и ненавижу работать, но я тоже постараюсь исправиться!

– А я попытаюсь стать «маленькой женщиной», как говорит папа, не грубить, не дерзить, выполнять свои обязанности, а не рваться на фронт! – пообещала Джо, подумав, что было бы легче одолеть парочку повстанцев на южных рубежах, чем унимать свой буйный нрав дома.

Бет ничего не сказала, просто утерла слезы синим армейским носком и взялась за вязание с удвоенной силой – не теряя времени, принялась исполнять свой долг, делая то, что ей по силам. В душе она твердо решила, что, когда год пройдет, завершившись счастливым возвращением, папа найдет ее ровно такой, как и надеялся.

После слов Джо наступило молчание, которое прервала миссис Марч, сказав в обычной жизнерадостной манере:

– А помните, как вы играли в «Путешествие пилигрима»⁶, когда были маленькими? Я повязывала вам на спины холщовые сумки в качестве ноши, давала трости, шляпы и бумажные свитки, и вы странствовали по всему дому – от подвала, где располагался Град Разрушения, до чердака, куда вы отовсюду приносили красивые вещицы, чтобы он был похож на Небесный Град.

– Ох, и весело было! – воскликнула Джо. – Особенно проходить мимо Аполлиона⁷, сражаться со львами и пересекать долину злых духов!

– А мне нравилось, когда с лестницы катились наши тюки! – добавила Мэг.

– А мой любимый момент, когда мы выходили на плоскую крышу, стояли там среди цветов и выюнков в солнечном свете и пели песни, – промолвила Бет и улыбнулась, словно заново переживая приятный момент.

– Я помню, как боялась подвала и темной прихожей и радовалась молоку с пирогом на чердаке. С удовольствием поиграла бы в пилигримов, но я уже выросла... – заявила Эми, которая, достигнув солидного двенадцатилетнего возраста, стала отказываться от многих детских забав.

– Из этой игры нельзя вырасти, дорогая – так или иначе, мы играем в нее всю жизнь. У каждого своя ноша, перед каждым свой путь, мы стремимся к добру и счастью, поэтому, преодолевая многочисленные препятствия и совершая ошибки, идем к душевному покою, который и является Небесным Градом. Сейчас, мои маленькие пилигримы, нужно начать путь заново, только уже не понарошку, а по-настоящему, а когда папа вернется домой, он увидит, как далеко вы продвинулись.

– Мы правда играем? А где сумки? – спросила Эми, которая все понимала буквально.

– Все, кроме Бет, озвучили свою ношу – ей, похоже, нечего нести, – сказала мама.

– Еще как есть! Мне нужно прилежней мыть посуду и протирать пыль, не завидовать девочкам, у которых хорошее пианино, и перестать стесняться!

Ноша Бет была смехотворно мала, однако никто не рассмеялся, чтобы ее не обижать.

– Так и сделаем! – заявила Мэг и задумчиво добавила: – Мы ведь собирались работать над собой, а история с пилигримами нам поможет; мы хотим избавиться от недостатков, но это сложно, мы часто забываем об этом и перестаем стараться.

– Сегодня мы тонули в Топи Уныния, а мама пришла и вытащила нас, совсем как Помощь⁸ в книге! Нам нужны такие же свитки с указаниями, как у Христианина! Как бы нам

⁶ «Путешествие Пилигрима в Небесную Страну» (1678) – наиболее значимое произведение английской религиозной литературы, написанное писателем и проповедником Джоном Баньяном (1628–1688). Герой поэмы Христианин понимает, что живет в Граде Разрушения, который обречен на гибель, поэтому отправляется в Небесный Град (Новый Иерусалим, т. е. Царство Божие).

⁷ Аполлион – чудовище, встречающее пилигрима в Долине Уничжения и пытающееся заставить его вернуться назад.

⁸ Герой в книге, который помогает Христианину выбраться из Топи Уныния.

это сделать? – воодушевилась Джо, которой очень понравилась идея скрасить унылое исполнение долга.

– Загляните под подушки рождественским утром и найдете путеводитель! – ответила миссис Марч.

Пока они обсуждали новый план, старушка Ханна убрала со стола; затем были извлечены четыре корзинки для рукоделия, и в руках девочек проворно заплясали иголки, подшивая простыни для тетушки Марч. Занятие было скучным, однако в тот день никто не роптал. Сестры, поддержав предложение Джо, назвали четыре стороны Европой, Азией, Африкой и Америкой, и работа пошла веселее, когда они, делая стежки, попутно говорили о разных странах.

В девять часов шитье было отложено, и девочки, как всегда перед сном, исполнили несколько песен. Никто кроме Бет не мог извлечь сколько-нибудь приличных звуков из старого пианино, она особым образом нежно касалась пожелтевших клавиш, и у простеньких песен, которые пели сестры, был приятный аккомпанемент. Мэг обладала прекрасным голосом и солировала вместе с мамой. Эми трещала, как сверчок, а Джо бродила по мелодии, как ей заблагорассудится и пела в свое удовольствие, не обращая внимания на мотив, фальшивя в самых неподходящих местах, нарушая лиричность. Они всегда пели по вечерам с тех пор, как могли пропеть: «Мелчай, мелчай, звездочка!»⁹, и это стало семейной традицией, потому что мама была прирожденной певицей. Дом просыпался под ее соловьиные трели и засыпал под те же сладостные звуки, и подросшие девочки всегда радовались знакомым с детства колыбельным.

⁹ Имеется в виду английская колыбельная «*Twinkle, twinkle, little star*» на стихи детской писательницы и поэтессы Джейн Тейлор (1783–1824).

Глава вторая Веселого Рождества!

Серым рождественским утром Джо проснулась раньше всех. Чулка на камине не было, и на мгновение она почувствовала сильное разочарование – как в детстве, когда ее чулок, переполненный сладостями, свалился на пол. Потом она вспомнила мамино обещание и, засунув руку под подушку, извлекла оттуда маленькую книжицу в пурпурном переплете. Джо сразу узнала лучшую на все времена историю о человеческой жизни, отданной ради других, – прекрасный помощник для пилигрима в долгом странствии.

– Веселого Рождества! – разбудила она Мэг и велела ей тоже заглянуть под подушку.

Мэг нашла книжку точь-в-точь, как у Джо, но в зеленом переплете, внутри была та же картинка и несколько слов, написанных маминой рукой, отчего единственный рождественский подарок приобрел особую ценность в глазах девочек. Затем проснулись Бет и Эми и также нашли под подушками по маленькой книге – сизую и голубую, и сестры рассматривали и обсуждали подарки, пока небо не окрасилось рассветными красками.

Маргарет, хоть и не лишенная тщеславия, была добра и набожна по натуре и положительно влияла на сестер, особенно на Джо, которая очень ее любила и прислушивалась к ненавязчивым советам.

– Девочки, – произнесла Мэг, переводя взгляд с лохматой головы Джо на два аккуратных ночных чепчика, – мама хочет, чтобы мы читали эти книжки, любили их и познавали мудрость – давайте тотчас же начнем! С тех пор, как уехал папа и начались трудности, связанные с войной, которые выбили нас из колеи, мы стали пренебрегать многими вещами. Вы как хотите, а я буду держать свою книжку на ночном столике и начинать с нее каждое утро, это поддержит меня и поможет прожить предстоящий день.

Мэг действительно открыла книжку и взялась за чтение. Джо обняла сестру, прижавшись щекой к щеке, и стала читать вместе с ней с умиротворенным выражением, которое редко появлялось на ее беспокойном личике.

– Какая же Мэг умница! Эми, давай тоже читать вместе. Я помогу тебе со сложными словами, а если что-то не поймем, девочки объяснят, – прошептала Бет, вдохновленная хорошенькими книгами и примером сестер.

– Хорошо, что мне досталась голубая! – сказала Эми, и какое-то время тишина в комнате нарушалась лишь тихим шелестом страниц, а скудное зимнее солнце освещало серьезные лица и склоненные над рождественскими посланиями светлые головки.

– А где мама? – спросила Мэг, когда полчаса спустя они с Джо сбежали вниз, чтобы поблагодарить мать за подарки.

– Кто ж знает? Постучался какой-то бедняк, и ваша матушка тотчас пошла узнать, чем помочь. Не знаю другой такой женщины, чтобы так же раздавала еду да питье, дрова да одежду, – с готовностью отозвалась Ханна, которая жила в семье с самого рождения Мэг и была скорее другом, чем служанкой.

– Наверное, мама скоро вернется, так что давайте испечем пироги и накроем стол! – сказала Мэг, перебирая мамины подарки, до поры до времени припрятанные в большой корзине под диваном.

– Ой, а где же духи от Эми? – удивилась она, не найдя флакончика.

– Она их только что забрала, хотела ленточку привязать, что ли... – ответила Джо, танцуя по комнате, чтобы немного размять новые теплые туфли.

– Платочки красивые, правда? Ханна их постирала и погладила, а я сама вышила! – сказала Бет, с гордостью глядя на неровные буквы, стоившие ей немалых трудов.

– Прелесть! Не поленилась и на каждом вышила «Мамочка» вместо инициалов или «миссис Марч». Смешная... – заметила Джо, разглядывая один из платков.

– Разве плохо? Я думала, так будет лучше, ведь у Мэг, например, тоже инициалы «М. М.», а я не хочу, чтобы платками пользовался кто-то, кроме мамы, – озабоченно сказала Бет.

– Нет-нет, очень хорошо, дорогая! Прекрасная идея, и это разумно – теперь точно не перепутаешь. Маме обязательно понравится – я уверена! – утешила Мэг, послав укоризненный взгляд Джо и ласково улыбаясь Бет.

– Мама идет! Прячьте скорее корзинку! – вскричала Джо, услышав, как хлопнула входная дверь, и в коридоре раздались шаги.

В комнату торопливо зашла Эми и смутилась, увидев, что все сестры выбежали навстречу.

– Где ты была и что прячешь за спиной? – спросила Мэг, удивившись, что лентяйка Эми, несмотря на ранний час, уже в капоре и пальто.

– Только не смейся, Джо! – попросила Эми. – Я никому не собиралась говорить. Я хотела поменять маленький флакон на большой и потратила все сбережения, потому что больше не хочу быть эгоисткой.

Говоря это, Эми показала сестрам покупку – новый красивый флакончик вместо маленького и дешевого; в желании позаботиться о близком было столько искренности и старания, что Мэг тут же кинулась обнимать сестру, Джо провозгласила ее «молодчиной», а Бет побежала к окну и сорвала самую красивую розу, чтобы украсить флакон.

– Утром мы говорили о том, как станем лучше, читали книгу, и мне стало стыдно за свой подарок. Я встала и сразу побежала в магазин, чтобы поменять! Я так рада – мой подарок теперь самый лучший!

Снова хлопнула входная дверь, корзина опять отправилась под диван, а девочки сгрудились вокруг стола, готового к рождественскому завтраку.

– Счастливого Рождества, мамочка! Пусть каждое Рождество будет счастливым! Спасибо за книжки! Мы уже немного почитали и будем читать каждый день! – заговорили они хором.

– Счастливого Рождества, доченьки! Я рада, что вы не откладывали чтение, и надеюсь, что продолжите в том же духе. Однако пока мы не сели за стол, я хотела бы кое-что сказать. Недалеко от нашего дома лежит в постели бедная женщина с новорожденным младенцем, а шестеро старших детей сбились в одной кровати, спасаясь от холода – ведь в доме нет огня. Им нечего есть, старший мальчик пришел ко мне сегодня и сказал, что его семья страдает от голода и холода. Девочки, согласитесь ли вы отдать праздничный завтрак в честь Рождества?

Все уже не на шутку проголодались, так как ждали маму целый час, и какое-то время молчали, однако не прошло и минуты, как Джо порывисто воскликнула:

– Хорошо, что мы не начали есть!

– Можно, я помогу отнести еду несчастной семье? – с готовностью предложила Бет.

– Я соберу сливки и маффины! – присоединилась Эми, героически жертвуя самым дорогим.

Мэг уже накрывала крышкой гречку и перекладывала куски хлеба в большую тарелку.

– Я знала, что вы согласитесь! – с удовлетворенной улыбкой сказала миссис Марч. – Пойдемте вместе отнесем угощение, по возвращении позавтракаем молоком и хлебом, а отпразднуем за ужином!

Вскоре все было готово, и процессия тронулась в путь. К счастью, час был ранний, к тому же они шли по боковым малолюдным улочкам, и никто не смеялся над забавным шествием.

Комнатка была бедной, почти без мебели, с разбитыми окнами и потухшим очагом; на кровати среди тряпья лежала больная мать с плачущим младенцем, шестеро бледных голодных ребятишек сбились в кучку под старым одеялом, чтобы хоть немного согреться. Как же расширились их глаза и заулыбались синие от холода губы, когда девочки зашли в дом!

– *Ach, mein Gott!*¹⁰ Ангелы спустились с небес! – воскликнула бедная женщина со слезами радости на глазах.

– Да, забавные ангелы в капорах и варежках! – сказала Джо, и дети рассмеялись.

Всего за несколько минут комната волшебным образом преобразилась – Ханна развела огонь из принесенных дров и заткнула дыры в окнах старыми шляпами и собственной шалью. Миссис Марч напоила мать семейства чаем и накормила жидкой овсяной кашей, одела малыша, обращаясь с ним нежно, как со своим собственным, пообещала помогать и впредь. Девочки тем временем, смеясь и болтая, накрыли стол, усадили детей у огня и принялись кормить, будто стайку голодных птенцов, пока те галдели на забавном ломаном английском.

– *Das ist gate! Der Engel-Kinder!*¹¹ — восклицали бедняги, поглощая еду и отогревая оочневвшие руки у огня.

Девочек еще не называли ангелами, и им было приятно, особенно Джо, которая с самого рождения считалась «сорвиголовой». Сестры остались крайне довольны завтраком, хоть его и не отведали. Когда они возвращались домой, оставив позади себя покой и уют, во всем городе было не сыскать людей счастливее, чем четыре голодные девочки, которые отдали рождественский пир другим, оставив себе хлеб и молоко.

– Вот что значит «возлюби ближнего своего больше, чем самого себя»! Мне очень понравилось! – говорила Мэг, когда они раскладывали подарки, а мама собирала наверху одежду для бедного семейства Хаммел.

Маленькие сверточки, хоть и неказистые на вид, были сделаны любящими руками, а высокая ваза в центре стола с красными розами, белыми хризантемами и выюнками придавала столу нарядный вид.

– Мама идет! Играй, Бет! Открывай двери, Эми! Троекратно «ура»! – командовала Джо, прыгая по комнате, а Мэг приготовилась сопровождать маму на почетное место.

Бет заиграла самый веселый марш, Эми распахнула дверь, а Мэг исполнила роль сопровождающего с большим достоинством. Миссис Марч была удивлена и тронута, со слезами на глазах рассматривая подарки и читая поздравительные записки. Она тотчас надела новые туфли, положила в карман носовой платок, щедро надушенный духами Эми, прикрепила на грудь розу и объявила, что перчатки сидят идеально.

Еще долго продолжались поцелуи, смех и обмен историями – простое общение любящих людей, которое делает домашние праздники такими приятными и воспоминания о них такими сладостными, а затем все принялись за работу.

Утренний благотворительный поход и связанные с ним хлопоты заняли много времени, поэтому остаток дня был полностью посвящен подготовке к вечернему представлению. Девочки были слишком малы, чтобы часто ходить в театр, и слишком бедны, чтобы купить материалы для достойных декораций, но выкручивались, как могли, и делали все необходимое своими руками – как известно, голь на выдумки хитра. Чего они только не изобретали – среди их творений была и гитара из картона, и лампа из старой масленки, обернутая в фольгу, и роскошные платья из старой ткани с блестками, нарезанными из старых жестянок, и доспехи из того же ценного материала. Мебель переворачивалась вверх дном, и в большом зале развернулось не одно веселое действие.

Мужчин в театр не принимали, поэтому Джо, к великому своему удовольствию, исполняла все мужские роли и очень радовалась сапогам из дубленой кожи, которые отдала одна подруга, знавшая некую даму, у которой был знакомый актер. Сапоги, старая рапира и рваный камзол, в котором кто-то позировал для картины, были главными сокровищами Джо и использовались в каждом спектакле. В маленькой труппе двум ведущим актерам приходилось испол-

¹⁰ О, Боже мой! (нем.).

¹¹ Как хорошо! Это дети-ангелочки! (нем.).

нять по несколько партий; надо отдать им должное – было нелегко заучивать по три или четыре роли за пьесу, без конца менять костюмы и к тому же руководить всем действием. Театральные постановки прекрасно тренировали память, и это невинное развлечение заполняло множество часов и спасало девочек от безделья и скуки.

В рождественский вечер на кровати, которая служила бельэтажем, перед желто-голубым ситцевым занавесом в большом нетерпении, чрезвычайно лестном для актеров, собралось больше десяти зрительниц. За занавесом раздавались шуршание и шепот, слегка дымилась лампа и изредка хихикала Эми – в волнительные моменты ее часто одолевал нервный смех. Наконец прозвенел колокольчик, занавес открылся и представление началось.

Согласно афише, действие происходило в «дремучем бору» – его представляли несколько комнатных растений в горшках, кусок зеленого сукна на полу и пещера на заднем плане. Пещеру сделали из двух положенных на бок столов, накрытых сверху сушкой для белья. У входа в пещеру жарко пылала печь, на ней булькал черный котел, а над ним склонилась старая ведьма. Отсветы огня на темной сцене смотрелись очень эффектно, особенно когда ведьма приподняла крышку котла и оттуда повалил настоящий пар. Выждав несколько мгновений, чтобы дать улечься первым восторгам, на сцене, позвякивая шпагой, появился злодей Хьюго в шляпе, надвинутой на глаза, с черной бородой, в таинственном плаще и сапогах. Он какое-то время нервно мерил комнату шагами, затем, хлопнув себя по лбу, разразился песенной тирадой о ненависти к Родриго, любви к Заре и решимости убить первого и завоевать последнюю. Хьюго пел хриплым басом, изредка, когда чувства переполняли его, переходя на крик; публика была очарована и бурно зааплодировала, едва злодей остановился, чтобы перевести дух. Поклонившись с видом человека, привыкшего к признанию, злодей бросился к пещере и воззвал к Агарь повелительным: «Эй ты! Злодейка! Подь сюда!»

Появилась Мэг – в парике из серого конского волоса, закрывающего лицо, с посохом в руках и в черном плаще, расписанном таинственными знаками. Хьюго потребовал приготовить два зелья – одно, чтобы Зара без памяти его полюбила, а другое, чтобы уничтожить Родриго. Агарь затянула прекрасный величественный мотив, обещая выполнить оба требования, и обратилась к духам, чтобы те принесли приворотное зелье:

– Я призываю всей душой
Дух, что питается росой.
Прочти скорее заклинанье,
Исполнь влюбленного желанье.
Свари напиток приворотный,
Сладкий, крепкий и добротный!
И неси его сюда
На крыльях, что прозрачней льда!

Зазвучала тихая музыка, и из глубины пещеры возникла маленькая фигурка в белом, как облако, одеянии с блестящими крыльями, золотыми волосами и венком из роз на голове. Взмахнув волшебной палочкой, небесное создание пропело:

– Прилетела я сюда
На крыльях, что прозрачней льда!
Вот напиток твой, держи!
Но не медли – поспеши!

Фея обронила к ногам колдуньи позолоченный бутылек и исчезла. Следующее заклинание Агарь вызвало появление менее привлекательного духа – раздался грохот, и на сцене

появился уродливый смуглый карлик. Хрипло пропев что-то в ответ, он с ехидным смехом швырнул Хьюго темный сосуд. Исполнив песнь благодарности, Хьюго засунул оба зелья за голенища сапог и удалился; Агарь же известила зрителя, что в прошлом Хьюго убил несколько ее друзей, за что она его проклинает и собирается отомстить, разрушив планы. На этом занавес опустился, и публика начала обсуждать достоинства пьесы, поедая конфеты.

В это время за сценой довольно долго что-то сколачивали, прежде чем занавес снова поднялся. Зато, когда зрители увидели, какое произведение искусства сотворили декораторы, никто и не подумал жаловаться на задержку. На сцене возвышалась башня до потолка – по центру было окошко, освещенное лампой, за белой занавеской Зара в чудесном серебристо-голубом платье ожидала Родриго. Тот появился в роскошном наряде – шляпа с пером, красный плащ, каштановые локоны, гитара и, разумеется, сапоги. Он опустился на колени у подножия башни и сладким голосом запел серенаду. Зара ответила ему, они обменялись несколькими вокальными репликами, и она согласилась на побег. Родриго извлек веревочную лестницу из пяти ступеней, закинул один конец в окно, приглашая Зару спуститься. Она аккуратно вылезла на подоконник, положила руку на плечо Родриго и уже собиралась грациозно спрыгнуть на землю, но тут – бедная-бедная Зара! – край шлейфа зацепился за оконную решетку; башня закачалась, накренилась и с грохотом рухнула на пол, оставив несчастных влюбленных под завалами.

Зрители разом вскрикнули, под обломками башни яростно пинали воздух красновато-коричневые сапоги, затем с восклицанием «Я же говорила! Так я и знала!» показалась золотоволосая головка Зары. Жестокосердный дон Педро проявил недюжинное самообладание, выбежал на сцену и, торопливо шепнув актерам: «Не смейтесь! Делаем вид, что так и задумано!», с гневом и презрением приказал Родриго подняться на ноги и убираться прочь из королевства. Родриго, хоть и потрясенный крушением башни, отказался повиноваться старику, заявив, что не тронется с места. Его бесстрашие оказалось заразительно – Зара также послушалась родителя, и тот отправил обоих в самую глубокую темницу замка. Маленький и пухленький страж появился с цепями и увел узников – выглядел он довольно напуганным и явно забыл слова, которые должен был произнести.

Действие третьего акта разворачивалось в парадном зале; Агарь пришла, чтобы освободить влюбленных и отомстить Хьюго. Заслышав приближение злодея, она спряталась; злодей подлил зелье в кубки вина и приказал стеснительному стражу:

– Отнеси-ка вино узникам, и я скоро приду!

Слуга отозвал Хьюго в сторонку, чтобы что-то ему сказать, Агарь в это время подменила кубки с зельем на обычное вино. Стеснительный слуга Фердинанд о унес кубки, а Агарь поставила на стол зелье, предназначающееся Родриго. Хьюго, испытывающий жажду после очередной песенной тирады, осушил кубок, впал в беспамятство, топал ногами и хватался за воздух, затем упал как подкошенный и умер – Агарь тем временем сообщила злодею о том, что сделала, при помощи изысканной арии.

Зрелище было воистину впечатляющим; хоть некоторые и могли подумать, что неожиданно свалившийся с головы массивный парик слегка испортил эффектную гибель. Зрители дружно вызывали Хьюго на поклон, он степенно предстал перед публикой вместе с Агарь, чье пение единодушно признали главным достоинством спектакля.

В четвертом действии на сцене появился Родриго, в отчаянии готовый пронзить себя кинжалом, так как ему сообщили, что Зара его покинула. Он уже поднес клинок к сердцу, но тут под окном раздалась нежная песня, извещающая его о том, что Зара по-прежнему верна ему, но ей грозит опасность, и он, Родриго, должен ее спасти. Затем в окно забросили ключ от запертой двери, Родриго в порыве восторга порвал цепи и поспешил на помощь даме сердца.

В пятом действии разыгралась бурная сцена между Зарой и доном Педро. Дон Педро решил отправить дочь в монастырь, но ей невыносима эта мысль; Зара трогательно молила о

пощаде, едва не лишаясь чувств, тут ворвался Родриго и попросил руки возлюбленной. Дон Педро отказал – претендент недостаточно богат. Они кричали и неистово жестикулировали, не приходя к согласию; Родриго уже собирался унести изможденную Зару, когда вошел стеснительный слуга с письмом и сумой от таинственно исчезнувшей Агарь. Слуге велено передать собравшимся, что юную пару ожидает несказанное богатство, а дон Педро – страшная участь, если будет мешать их счастью. Сума открылась, и на сцену с великолепным звоном высыпалась гора блестящих монет. Суровый отец моментально смягчился, охотно дал согласие на свадьбу, и все вместе исполнили радостную арию – влюбленные грациозно преклонили колени, чтобы получить благословение дон Педро. Занавес опустился.

Последовали бурные овации, превратившиеся неожиданным происшествием – раскладная кровать, на которой располагался импровизированный бельэтаж, сложилась вместе с восторженной публикой. Родриго и дон Педро бросились на выручку и извлекли всех зрителей до единого целыми и невредимыми, хоть и едва не задохнувшись от смеха. Едва волнение слегка улеглось, в дверях появилась Ханна с объявлением: «Миссис Марч поздравляет с премьерой и приглашает юных дам спуститься к ужину».

Удивились все – даже актеры, а увидев праздничный стол, потеряли дар речи и лишь переглядывались в восторженном изумлении. Устраивать маленькие сюрпризы было вполне в духе их любящей мамочки, однако такой роскоши они не видели с давно минувших дней изобилия. Два сорта мороженого – розовое и белое, торт, фрукты и аппетитные французские конфеты, а в середине стола красовались четыре больших букета оранжерейных цветов.

У девочек дух перехватило, они переводили изумленные глаза с праздничного стола на мать, а та явно была очень довольна реакцией.

– Тут побывали феи? – спросила Эми.

– Это Санта-Клаус! – предположила Бет.

– Это все мама! – улыбнулась Мэг, и ее улыбка была мила, несмотря на седую бороду и лохматые брови.

– Тетушка Марч раздобрилась и прислала ужин! – догадалась Джо.

– Вот и нет! Это старый мистер Лоренс! – объяснила миссис Марч.

– Дедушка маленького Лоренса? Что на него нашло? Мы ведь даже не знакомы! – воскликнула Мэг.

– Ханна рассказала одному из его слуг о том, как вы отдали завтрак; мистер Лоренс со странностями, однако оценил ваш поступок. Когда-то давно он знал моего отца и днем послал записку, где вежливо осведомился, не буду ли я возражать, если он, в знак дружеского расположения, пошлет моим дочерям небольшое угощение в честь праздника. Я не смогла отказать, и сегодня вечером вас ждет пир, чтобы компенсировать скудный завтрак из молока и хлеба.

– Я знаю, его тот мальчишка надумил! Он славный парень, хорошо бы с ним познакомиться... Он, кажется, тоже не против, однако скромничает, а зануда Мэг не разрешает мне с ним заговорить, когда мы проходим мимо! – сказала Джо.

По кругу передавались тарелки с яствами, а мороженое исчезало на глазах под восторженные ахи и охи.

– Вы о ваших соседях из большого дома? – спросила одна из девочек. – Моя мама знает мистера Лоренса; он ужасно высокомерный и ни с кем в округе не общается. Держит внука взаперти, отпускает лишь проехаться верхом или на прогулку с гувернером и заставляет все время учиться. Мы как-то приглашали мальчика в гости, но он не пришел. Мама говорит, он милый, хоть с девчонками и не разговаривает.

– У нас однажды сбежала кошка, так он ее поймал и передал через забор. Мы здорово поболтали, уже до крикета дошли, но тут он увидел Мэг и скрылся. Я все-таки собираюсь с ним познакомиться – ему не помешает компания! – решительно заявила Джо.

– Он хорошо воспитан и выглядит как настоящий маленький джентльмен, так что я не возражаю против вашего знакомства – при удобном случае. Мальчик сам принес букеты, и я пригласила бы его наверх, но не знала, что у вас там творится. Он слышал шум и гам и, кажется, уходил с сожалением – ему, наверное, скучно.

– Хорошо, что не пригласила, мама! – рассмеялась Джо, глядя на сапоги. – Ничего, как-нибудь мы поставим пьесу, которую и ему можно будет показать. Или даже пригласим принять участие! Было бы здорово, правда?

– Никогда не видела такого букета! Какая красота!.. – задумчиво рассматривая цветы, пробормотала Мэг.

– Да, цветы прекрасны. Но розы нашей Бет лучше! – сказала миссис Марч, нюхая маленький увядший букетик, заткнутый за пояс.

Бет прижалась к ней и тихо прошептала:

– Жаль, я не могу отправить розу папе... Вряд ли его Рождество такое же веселое, как у нас.

Глава третья

Мальчишка лоренс

– Джо! Джо! Где же ты? – позвала Мэг, стоя у подножия чердачной лестницы.

– Я здесь, – глухо ответили сверху.

Взбежав по ступеням, Мэг застала сестру, завернутую в плед, на трехномом диванчике у окна. Джо, поедая яблоки, лила слезы над «Наследником Рэдклиффа»¹².

Чердак был излюбленным местом Джо – она часто уединялась там, прихватив книгу и пяток яблок, и наслаждалась покоем в обществе домашней мышки Шебуршули, которая, в свою очередь, не возражала против компании Джо. При появлении Мэг мышка юркнула в нору. Джо вытерла слезы и выжидающе посмотрела на сестру.

– Взгляни только! Приглашение от миссис Гардинер на завтрашний вечер – самое настоящее! – вскричала Мэг, размахивая драгоценным листочком, и восторженно прочла: «Миссис Гардинер будет рада видеть мисс Маргарет и мисс Джозефину Марч на балу в канун Нового года». Мама не возражает, вот только что надеть?

– Глупый вопрос! Разумеется, поплиновые платья – у нас же больше ничего нет! – с набитым ртом ответила Джо.

– Ах, если бы у меня было шелковое!.. – вздохнула Мэг. – Мама говорит – может быть, купим, когда мне исполнится восемнадцать, но до восемнадцати ждать целую вечность!

– Поплин почти как шелк, и платья вовсе не плохи, твое вообще как новое! Ой, совсем забыла – я свое прожгла и порвала немного, не знаю, что делать... След большой, не вырежешь...

– Сиди на месте и не поворачивайся к людям спиной – спереди оно в порядке! Я куплю новую ленту для волос, мама даст мне жемчужную брошку, мои новые туфельки – просто прелесть, и перчатки тоже ничего, хоть и хотелось бы иметь получше...

– Мои с пятнами от лимонада, я без перчаток обойдусь – не покупать же новые! – сказала Джо – она обычно не слишком беспокоилась о нарядах.

– Ты обязана надеть перчатки, иначе я никуда с тобой не пойду! – решительно вскричала Мэг. – Перчатки – это самое главное, без них нельзя танцевать, если тебе все равно, то мне будет очень стыдно!

– Если нельзя танцевать без них, то я посижу. Я не слишком люблю танцы. Что за веселье без толку кружить по комнате – то ли дело бегать и дурачиться!

– Новые перчатки уже не попросишь – они очень дорогие, а ты ужасно неаккуратная. Когда ты испортила прошлые, мама сказала, что больше не купит тебе перчаток до весны... Пятна точно нельзя отстирать? – не унималась Мэг.

– Если просто держать их в руке, то пятен не видно... О, придумала! Мы наденем по чистой перчатке и возьмем в руки по испорченной – правда, здорово?

– У тебя ладони больше, ты растянешь... – замялась Мэг – она питала самые нежные чувства к своим перчаткам.

– Тогда я пойду без них! Мне все равно, что люди скажут! – заявила Джо, снова уткнувшись в книгу.

– Ладно-ладно, бери! Только не запачкай и веди себя, пожалуйста, прилично: не закладывай руки за спину, не сверли людей глазами и не кричи: «Клянусь стариной Колумбом!»

– Не волнуйся – я буду образцом чопорности и постараюсь не попадать впросак. Иди пиши ответ и дай мне дочитать этот великолепный роман.

¹² «Наследник Рэдклиффа» (1853) – роман английской писательницы Шарлотты Янг (1823–1901).

Мэг удалилась «с радостью принимать приглашение», придирчиво осматривать платье и, напевая от счастья, пришивать свою единственную кружевную оборку, а Джо тем временем дочитала роман, доела четыре оставшихся яблока и немного повозилась с Шебуршулей.

В канун Нового года гостиная пустовала, так как младшие девочки играли в переодевания, а старшие собирались на бал, что было делом чрезвычайной важности. Хоть наряды были нехитрыми, подготовка включала в себя много беготни, болтовни и смеха – а один раз дом наполнился запахом паленых волос. Мэг хотела, чтобы ее лоб обрамляло несколько локонов, и Джо вызвалась завить обернутые в бумагу пряди с помощью горячих щипцов.

– Разве они должны дымиться? – забеспокоилась Мэг, сидя на кровати.

– Это просто влага испаряется! – пояснила Джо.

– Фу, как противно пахнет! Будто жжеными перьями! – заметила Эми, с видом превосходства оправляя собственные хорошенькие кудряшки.

– Сейчас сниму бумажки, и вы увидите Мэг в ореоле завитков! – пообещала Джо, откладывая щипцы.

Бумажки она сняла, однако ореола завитков никто не увидел, потому что локоны остались в бумаге, и перепуганный парикмахер разложил перед несчастной клиенткой ряд обожженных локонов.

– Ай-яй-яй! Что ты натворила? Все пропало! Я не смогу пойти на бал! О, мои волосы, мои волосы! – рыдала Мэг, с отчаянием взирая на неровную поросль на лбу.

– Везет как утопленнику! Вечно я все порчу, не нужно было меня просить! Нет мне прощения! Понимаешь, я не думала, что щипцы такие горячие, я не рассчитала... – оправдывалась бедная Джо, глядя на обугленные волосы в форме блинчиков глазами, полными слез раскаяния.

– Ничего страшного! Просто завей волосы и завяжи ленту так, чтобы кончики немного прикрывали лоб, выйдет по последней моде! Я видела, девочки так носят! – утешила Эми.

– Хотела выглядеть шикарно – поделом мне! Не надо было трогать волосы! – сердито воскликнула Мэг.

– Верно. Они были красивые и мягкие... Ничего, скоро отрастут! – сказала Бет и подошла поцеловать и утешить остриженную овечку.

После ряда более мелких неурядиц Мэг наконец была готова к выходу, далее общими стараниями Джо облачили в платье и сделали прическу. Сестры чудесно выглядели в своих простых нарядах: Мэг в серебристо-сером с голубой бархатной лентой, кружевной оборкой и жемчужной брошкой; Джо – в бордовом с жестким, подобно мужскому, воротником и парой белых хризантем в качестве единственного украшения. Обе они надели по чистой тонкой перчатке, испачканную взяли в другую руку, их вид единодушно был признан «элегантным и непринужденным». У Мэг болели ноги в слишком тесных туфельках на высоком каблучке, в чем она ни за что бы не призналась, а Джо казалось, что все девятнадцать шпилек вонзаются в голову – ощущение не из приятных, однако, что поделаться, красота иногда требует жертв.

– Хорошенько повеселитесь, дорогие мои! – напутствовала миссис Марч, когда сестры с достоинством шли по дорожке к калитке. – Не ешьте слишком много и возвращайтесь в одиннадцать – я пришла за вами Ханну!

Когда калитка за ними уже захлопнулась, из окна верхней спальни раздался голос:

– Девочки! Девочки! А вы приличные носовые платки не забыли?

– Да-да! Чистые и аккуратные, Мэг свой даже надушила! – крикнула в ответ Джо, а затем со смехом добавила: – Мама спросила бы про платки, даже если бы мы спасались от землетрясения!

– Да, у мамы аристократические вкусы, и она права – настоящую леди отличают аккуратная обувь, перчатки и носовой платок! – ответила Мэг, чья натура также не была лишена аристократичности.

– Не забудь, что у тебя сзади испорчено платье, Джо! Мой пояс в порядке? А волосы очень ужасно смотрятся? – спросила Мэг, наконец оторвавшись от зеркала в гардеробной комнате у миссис Гардинер.

– Обязательно что-нибудь забуду! Дай мне знак, если я что-то не так сделаю, ладно? Подмигни, например! – попросила Джо, оправляя воротник и поспешно приглаживая волосы.

– Нет, подмигивать неприлично! Я буду поднимать брови, если замечу что-то неладное, и кивать, если все идет хорошо. А теперь – не сутулься, делай маленькие шажки и не пожимай руки всем подряд, когда представляешься – это не принято!

– Как ты запоминаешь бесконечные правила приличия? Мне никогда не справиться! Веселая музыка, да?

Девочки спустились в гостиную, слегка робея, поскольку редко выходили в свет, и званный вечер в тесном кругу, хоть и не слишком официальный, был для них большим событием. Миссис Гардинер, статная пожилая дама, тепло поприветствовала сестер и поручила их заботам старшей из своих шести дочерей. Мэг уже знала Салли и быстро освоилась, Джо, которая не слишком ладила с девочками и не любила девчачью болтовню, стояла без дела, предусмотрительно опершись спиной о стену, и чувствовала себя столь же уместно, как слон в посудной лавке. В другом конце комнаты веселая компания из шести парней обсуждала коньки, и Джо страстно хотелось подойти и присоединиться к разговору, ибо катание на коньках было одним из главных удовольствий в ее жизни. Она взглядом показала свое намерение Мэг, но у той так высоко взлетели брови, что Джо не посмела шевельнуться. К ней никто не подходил, а группка девушек, стоящая неподалеку, потихоньку разбрелась, и Джо осталась в одиночестве. Лишенной возможности свободно передвигаться и искать себе развлечение из-за испорченного платья, Джо только оставалось мрачно взирать на присутствующих, пока не начались танцы. Мэг сразу же пригласили, и ее тесные туфельки так ловко отстукивали ритм, что никто и не подумал бы, какие муки терпит их сияющая улыбкой обладательница. Джо заметила высокого рыжеволосого малого, который направлялся к ее укромному углу, и в страхе, что тот собирается пригласить ее на танец, юркнула в оконную нишу, защищенную шторой, чтобы наслаждаться покоем и подглядывать за гостями из укрытия. К несчастью, идея с нишей пришла не только ей – там прятался еще один стеснительный гость. Закрыв занавеску, она оказалась нос к носу с мальчишкой Лоренсом.

– О господи, я не знала, что тут кто-то есть! – пробормотала Джо, готовясь исчезнуть так же быстро, как появилась.

Однако мальчик, хоть и не ожидал вторжения, рассмеялся и приветливо сказал:

– Не обращайтесь на меня внимания. Оставайтесь, если хотите.

– Я не помешаю?

– Нисколько. Я здесь лишь потому, что мало кого знаю и поначалу слегка растерялся, понимаете?

– Еще как! Не уходите, пожалуйста, побудьте тут еще!

Мальчик снова опустился на подоконник и рассматривал свои ботинки, пока Джо в попытке проявить вежливость и разрядить обстановку не произнесла:

– Мне кажется, я и раньше имела удовольствие вас видеть. Вы ведь живете неподалеку?

– Прямо за забором! – Он посмотрел на Джо и расхохотался, потому что церемонная речь Джо была несколько неуместна после возвращения кошки и обсуждения крикета.

Джо сразу расслабилась; тоже рассмеявшись, она тепло сказала:

– Нам ужасно понравился рождественский подарок!

– Это дедушка прислал.

– Но ведь идея была твоя, правда?

– Как поживает кошка, мисс Марч? – серьезно спросил мальчик, хотя черные глаза его весело поблескивали.

– Хорошо, спасибо, мистер Лоренс. Только я не «мисс Марч», а просто Джо, – ответила юная леди.

– А я не «мистер Лоренс», а просто Лори.

– Лори Лоренс... Как странно!

– Полное имя Теодор, но оно мне не нравилось, потому что меня называли «Дора», вот я и придумал – Лори.

– Я тоже ненавижу свое имя – жутко девчачье! Как бы мне хотелось, чтобы все обращались ко мне Джо, а не Джозефина! Как вы отучили мальчишек от имени «Дора»?

– Кулаками.

– Я не могу бить тетушку Марч, придется терпеть... – сокрушенно вздохнула Джо.

– Вы любите танцевать, мисс Джо? – спросил Лори с таким видом, словно считал ее имя подходящим.

– Люблю, очень даже. Но если всем весело и места достаточно. Здесь я обязательно что-нибудь опрокину, пройду по чужим ногам или что-нибудь ужасное вытворю. Лучше мне отсидеться, а Мэг покрасует за нас обеих. А ты танцуешь?

– Иногда. Видите ли, я много лет провел за границей, вернулся недавно и еще не освоил здешние обычаи.

– За границей! – воскликнула Джо. – Расскажите мне, пожалуйста! Обожаю слушать про путешествия!

Лори не знал, с чего начать, однако нетерпеливые расспросы Джо помогли делу, и он поведал о школьной жизни в городе Веве¹³, где мальчики не носят шляп, катаются на лодках по озеру и вместе с учителями отправляются в походы по горам Швейцарии во время каникул.

– Ох, вот бы и мне там побывать! – воскликнула Джо. – А в Париже вы были?

– Мы провели там прошлую зиму.

– Вы говорите по-французски?

– В Веве нам только по-французски и можно было говорить.

– Скажите что-нибудь! Я умею читать, но сказать ничего не способна!

– *Quel nom a cette jeune demoiselle en les pantoufles jolies?*¹⁴ — добродушно осведомился Лори.

– Здорово у вас выходит! Подождите-ка, вы сказали «кто эта девушка в красивых туфлях», да?

– *Oui, mademoiselle*¹⁵.

– Это моя сестра Маргарет – вы же и сами знаете! Она красивая, правда?

– Да. Она напоминает немецких девушек, такая цветущая, спокойная и танцует, как настоящая леди.

Джо просияла, услышав из уст мальчика похвалу в адрес сестры, и все запомнила, чтобы позже передать Мэг. Затем они продолжили подглядывать, обсуждать танцующих, болтать и вскоре у обоих было чувство, словно они знакомы уже много лет.

Лори перестал смущаться, потому что мальчишечьи повадки Джо его забавляли, а сама Джо вернулась в свое обычное веселое расположение духа, потому что больше не нужно было заботиться о платье и опасаться поднятых бровей Мэг. Мальчишка Лоренс нравился ей все больше, она украдкой его рассматривала, чтобы подробно описать сестрам. Родных братьев у них не было, двоюродных они почти не знали, поэтому мальчики оставались редким неизученным видом.

¹³ Веве – город на западе Швейцарии, расположенный на берегу Женевского озера.

¹⁴ Кто эта девушка в красивых туфлях? (франц.)

¹⁵ Да, мадемуазель, (франц.)

«Темные кудрявые волосы, смуглая кожа, черные глаза, длинный нос, ровные зубы, аккуратные ладони и ступни, ростом примерно с меня, для мальчишки очень вежливый – и вообще славный. Интересно, сколько ему лет?» – думала Джо.

Последний вопрос вертелся на языке, но она вовремя себя остановила и с непривычным тактом попыталась выведать возраст окольными путями.

– Вы, вероятно, скоро отправитесь в колледж? Вы вечно корпите над книжками – я видела! То есть... упорно занимаетесь, – покраснела Джо: и как у нее вырвалось просторечное «корпите над книжками»?

Лори совершенно не смутился, он лишь улыбнулся, пожав плечами, и ответил:

– До колледжа год-два в запасе. В любом случае, я собираюсь туда не раньше семнадцати лет.

– Вам пятнадцать? – удивилась Джо – она думала, что такому высокому парню уже исполнилось семнадцать.

– Будет шестнадцать в следующем месяце.

– Как бы мне хотелось учиться в колледже! А вы, кажется, не слишком рады?

– Терпеть не могу колледж! Там либо зубрежка, либо глупые развлечения; мне не по душе, как ребята в нашей стране живут.

– А что вам по душе?

– Я мечтаю переехать в Италию и жить в свое удовольствие.

Джо стало любопытно, что значит «жить в свое удовольствие», однако черные брови Лори грозно нахмурились, и она перевела тему, сказав, отстукивая ногой ритм:

– Милая полька! Почему бы вам не станцевать?

– Только если вы составите компанию! – ответил он с изящным поклоном на французский манер.

– Я не могу! Я обещала Мэг не танцевать, потому что... – Джо замялась, сдерживая смех и размышляя, стоит ли открывать причину.

– Почему? – с любопытством спросил Лори.

– Вы никому не расскажете?

– Никогда!

– У меня есть дурная привычка – стоять близко к огню, и я иногда порчу платье, вот и это подгорело; хоть мы и старались починить его, все равно заметно, и Мэг велела мне стоять смирно, чтобы никто не заметил. Смейтесь, если хотите, это и правда смешно.

Однако Лори не рассмеялся. Он опустил глаза, и лицо его приняло странное выражение.

– Ничего! Я знаю, что мы сделаем: здесь есть длинный холл, там можно натанцеваться вволю, и никто не увидит. Потанцуйте со мной... пожалуйста?!

Джо поблагодарила и с радостью согласилась, пожалев, что у нее лишь одна чистая перчатка, поскольку у Лори было две, причем белоснежных. Они замечательно танцевали польку в пустом холле, Лори оказался хорошим танцором и научил Джо немецкому варианту, который, к восторгу последней, содержал множество прыжков и вращений. Когда музыка закончилась, они присели на ступеньку отдышаться. Лори рассказывал о студенческом фестивале в Гейдельберге¹⁶, и тут появилась Мэг. Увидев сестру, она таинственно кивнула Джо, которая неохотно последовала в боковую комнату. Побледневшая Мэг сидела на диване, держась за лодыжку.

– Я подвернула лодыжку! Дурацкие каблуки! Ужасно больно, я даже стоять не могу, не представляю, как доберусь до дома!.. – простионала она, покачиваясь.

¹⁶ Гейдельберг – город в Германии, в котором находится старейшее учебное заведение – Гейдельбергский университет.

– Я так и знала, что ты себе ноги переломашь в этих глупых туфлях. Мне очень жаль!.. Придется искать экипаж или ночевать здесь – другого выхода нет, – сказала Джо, осторожно поглаживая пострадавшую лодыжку.

– Нанять экипаж обойдется в целое состояние... Да и где сейчас его найти? Большинство гостей приехало на своих экипажах, конюшня далеко, и послать некого.

– Я сбегаю!

– Ну уж нет! Уже начало одиннадцатого, тьма египетская! Здесь ночевать тоже нельзя, нет места. У Салли гостит несколько подруг. Я отдохну до прихода Ханны и постараюсь дойти до дома.

– Я попрошу Лори, он сходит! – облегченно воскликнула Джо, радуясь удачной идее.

– Ни в коем случае! Не надо никого просить и никому рассказывать! Принеси мне галоши, а туфли отнеси наверх. Танцевать я больше не смогу...

Когда закончится ужин, встречу Ханну – и сразу сообщи, когда она придет.

– Все идут на ужин! Я лучше останусь с тобой!

– Нет-нет, дорогая, иди! Принеси мне кофе, я ужасно устала. Пальцем не могу пошевелить.

Итак, Мэг откинулась на спинку дивана, аккуратно прикрыв полрой платья галоши, а Джо отправилась разыскивать столовую – поиски увенчались успехом после нескольких неудачных попыток: сначала она оказалась в кладовке, а затем открыла дверь в комнату, где мистер Гардинер тайком употреблял некий бодрящий напиток. Усевшись наконец за стол, она сразу припасла чашечку кофе для сестры, которую тут же разлила, отчего наряд стал испорчен не только со спины.

– Боже мой! Вот растяпа! – воскликнула Джо, вытирая кофейное пятно чистой перчаткой Мэг.

– Могу я помочь? – раздался приветливый голос, и Джо увидела Лори с чашкой кофе в одной руке и тарелочкой мороженого в другой.

– Мэг утомилась, и я собиралась отнести ей угощение, меня кто-то задел... и полюбуйтесь! – сказала Джо, понуро переводя взгляд с испачканной юбки на перчатку кофейного цвета.

– Какая жалость! А я как раз думал, кого бы угостить... Не возражаете, если я отнесу это вашей сестре?

– О, спасибо! Я провожу! Не буду предлагать отнести сама, потому что опять влипну в историю.

Джо привела Лори к Мэг, и тот, словно всю жизнь ухаживал за дамами, пододвинул к дивану маленький столик, принес порцию кофе с мороженым для Джо и был настолько учтив, что даже придирчивая Мэг признала, что он «воспитанный мальчик». Они прекрасно проводили время, угощаясь французскими конфетами с цитатами, пожеланиями или предсказаниями на обратной стороне фантиков; в комнату забредали и другие молодые люди и девушки, человека два-три осталось, и компания мирно играла в «Дзынь!»¹⁷, когда появилась Ханна. Мэг, позабыв про больную ногу, вскочила, но тут же, вскрикнув, ухватилась за Джо.

– Молчи! Не говори ничего! – шепнула она и громко добавила: – Все в порядке, просто немного подвернула ногу! – Затем поковыляла вверх по лестнице за одеждой.

В гардеробной Мэг плакала, Ханна ворчала, и Джо, совсем потеряв терпение, решила взять дело в свои руки. Она незаметно выбралась, побежала вниз и нашла слугу, чтобы справиться о свободном экипаже. Слуга оказался нанятым по случаю праздника официантом и в их части города совершенно не ориентировался, и Джо продолжила поиски знающего чело-

¹⁷ Игра, в ходе которой участники быстро считают вслух, и тот, на кого выпадает число, кратное семи, должен сказать «Дзынь!».

века. Лори, услышав разговор, подошел и предложил воспользоваться дедушкиным экипажем, который как раз прислали за ним.

– Еще рано, вы, наверное, не собирались уезжать? – спросила Джо – она была рада предложению, однако сомневалась, можно ли его принять.

– Я всегда уезжаю рано, честное слово! Разрешите проводить вас домой, мне как раз по пути, и к тому же, говорят, начался дождь.

Последний аргумент решил дело, Джо, поведав Лори о несчастье Мэг, с благодарностью согласилась и побежала наверх за остальными. Ханна ненавидела дождь не меньше кошки, поэтому возражать не стала, и домой они укатили в роскошном закрытом экипаже – весело и красиво. Лори поехал на козлах рядом с кучером, чтобы Мэг могла положить ногу на сиденье напротив, поэтому девочки спокойно делились впечатлениями о празднике.

– Я отлично повеселилась! А ты? – спросила Джо, ероша волосы и усаживаясь поудобней.

– Да, я веселилась от души, пока не подвернула ногу. Я понравилась подруге Салли – Энни Моффат, и та предложила погостить у нее недельку вместе с Салли – она поедет весной, когда начнутся гастролы оперы. Только бы мама меня отпустила! – ответила Мэг, повеселев при мысли о полученном приглашении.

– Ты танцевала с рыжим парнем, от которого я сбежала. Как он тебе понравился?

– О, очень понравился! Волосы у него золотистые, а не рыжие, он очень обходительный, и мы чудесно станцевали рейдовак¹⁸!

– Он походил на ошалевшего кузнечика, ты не заметила? Мы с Лори смеялись до упаду! Ты нас не слышала?

– Нет, не слышала, но это было страшно невежливо с вашей стороны! Что вы делали там столько времени, спрятавшись ото всех?

Джо рассказала сестре о своих приключениях, а когда закончила рассказ, экипаж уже подъезжал к дому. Сердечно поблагодарив Лори и пожелав ему спокойной ночи, они пробрались в дом, стараясь никого не разбудить, однако стоило входной двери слегка скрипнуть, на верхнем пролете возникли два ночных чепчика, и два сонных, но нетерпеливых голоса потребовали:

– Расскажите про бал! Расскажите про бал!

Джо, игнорируя замечание Мэг о дурных манерах, припасла младшим сестрам конфет, и после угощения и захватывающих подробностей девочки успокоились.

– Чувствую себя знатной дамой – вернулась домой с бала в чудесном экипаже, а теперь сию в гардеробной, и меня обслуживает горничная! – заявила Мэг, пока Джо обрабатывала арникой, перебинтовывала ее ногу и расчесывала волосы.

– Знатные дамы нам позавидовали бы – мы повеселились не хуже их, несмотря на сожженные волосы, старые платья, одну пару перчаток на двоих, тесные туфли и даже подвернутые ноги!

В этом Джо была совершенно права.

¹⁸ Рейдовак – чешский народный танец с живым веселым темпом.

Глава четвертая

Разные ноши

– Боже, как тяжело вновь приниматься за дела! – вздохнула Мэг наутро после бала. Каникулы закончились, и после недели развлечений возвращаться к нелюбимым обязанностям было непросто.

– Вот бы всегда было Рождество или Новый год, правда? – грустно откликнулась Джо, широко зевая.

– Нам и половины этих развлечений не полагается. Но до чего же чудесно сидеть за праздничным столом, украшенном букетами, ездить на балы, возвращаться домой в карете, читать и делать другие приятные вещи, а не надрываться... А ведь кто-то все время так живет, и знаете, я им завидую! Мне очень нравится роскошь, – говорила Мэг, пытаясь определить, какое из двух поношенных платьев менее поношенное.

– Не будем роптать и желать невозможного, лучше взвалим ношу на плечи и отправимся в путь столь же жизнерадостно, как мама. Тетушка Марч – всего лишь Старик с острова¹⁹, и, как только я научусь тащить ношу без нытья, она с меня свалится или станет такой легкой, что я ее и не замечу.

Идея пришла Джо по душе и изрядно ее подбодрила, однако Мэг ничуть не развеселилась: ее ноша, а именно четыре избалованных ребенка, сегодня казалась особенно тяжелой. Мэг даже не нашла сил прихорошиться – как обычно повязать голубую ленту и уложить волосы в любимую прическу.

– Зачем хорошо выглядеть, если меня никто не видит, кроме этих злобных карликов, а им все равно, красивая я или нет? – буркнула она, с шумом захлопнув ящик. – Так и буду тянуть лямку и развлекаться раз в год, пока не стану уродливой сердитой старухой. Как жаль, что я бедна и не могу жить, как другие девушки!

Мэг спустилась в столовую обиженная и весь завтрак была мрачна. Впрочем, в то утро все были в плохом настроении и то и дело ворчали. Бет, мучаясь головной болью, прилегла на диван с кошкой и тремя котятами; Эми переживала из-за невыученных уроков и потерянных галош; Джо, словно всем назло, свистела и постоянно что-то роняла; миссис Марч пыталась закончить письмо, которое требовало срочной отправки; Ханна тоже была не в духе, поскольку накануне легла позже обычного.

– Таких вредин, как вы, свет не видывал! – в гневе вскричала Джо – она случайно опрокинула чернильницу, порвала оба шнурка, завязывая ботинки, и села на шляпку.

– Сама вредина! – ответила Эми, смывая неправильный пример с грифельной доски собственными слезами.

– Бет, запрети своих несносных котят в погребке, а не то я их утоплю! – сердито воскликнула Мэг – она тщетно пыталась отодрать от себя котенка, который залез по спине и, словно репей, прицепился к платью как раз там, где она не могла до него дотянуться.

Джо рассмеялась, Мэг принялась ворчать, Бет взмолилась о тишине, а Эми заплакала, потому что забыла, сколько будет девять умножить на двенадцать.

– Девочки! Девочки, помолчите хоть минутку! Мне просто необходимо отослать письмо с утренней почтой, а вы меня отвлекаете! – воскликнула миссис Марч, третий раз переписывая предложение.

Последовало кратковременное затишье, нарушенное Ханной, решительно вошедшей в комнату. Она грохнула горячие пироги на стол и так же сердито удалилась. Утренние пироги

¹⁹ Персонаж одной из сказок сборника «Тысяча и одна ночь», который обманом заставил Синдбада носить себя на плечах.

были незабываемой традицией в доме, девочки называли их «муфтами», потому что настоящих муфт у них не было, а теплая выпечка согревала руки холодным ранним утром. Ханна всегда находила время для выпечки, даже в самом дурном настроении, ведь девочкам предстояла долгая унылая дорога и никакого перекуса до самого возвращения домой – а возвращались они не раньше двух.

– Обнимайся со своими котятками и поправляйся, Бетти! До свидания, мамочка, мы вели себя как банда разбойников сегодня утром, но вернемся домой ангелочками, как обычно. Пошли, Мэг! – Джо неохотно побрела к выходу, чувствуя, что настоящие пилигримы пускаются в путь несколько иначе.

На углу они всегда оглядывались, потому что мама стояла у окна, кивая и улыбаясь, махала им рукой. Девочкам казалось невозможным пережить предстоящие тяготы без увиденного на прощанье приветливого лица в окошке, согревающего подобно солнечному лучу.

– Если мама вместо воздушного поцелуя погрозила бы кулаком, то поделом нам – таких неблагодарных негодниц свет не видывал! – воскликнула Джо. Она чувствовала себя виноватой, поэтому слякоть и промозглый ветер облегчали муки совести.

– Не ругайся ужасными словами! – пробормотала Мэг, замотанная в шаль, словно монахиня, уставшая от мира.

– А я люблю крепкие словечки, потому что они передают суть, – возразила Джо, вовремя поймав шляпку, которую чуть не сдуло ветром.

– Называй себя как угодно, а я отказываюсь быть «негодницей» и «мерзавкой»!

– Ты несчастное создание и явно сегодня не в духе, потому что тебе не суждено круглосуточно утопать в роскоши. Бедняжка! Подожди немного – вот разбогатею и завалю тебя каретами, мороженым, тупфлями на каблуках, букетами и рыжеволосыми партнерами для танцев.

– Глупышка Джо! – рассмеялась Мэг, и ей слегка полегчало.

– Тебе повезло, что я глупая. Хороши мы с тобой будем, если я напушу такой же скорбный вид и тоже буду ходить с серьезным лицом! Слава богу, что я умею во всем найти смешное и поднять настроение. Хватит ворчать и возвращайся домой веселой!

Джо ободряюще похлопала сестру по плечу на прощание, и они пошли каждая своим путем, прижимая теплый сверток с пирожком и стараясь сохранить жизнерадостность, несмотря на холод, долгий трудный день впереди и неутоленную жажду развлечений, свойственную юным сердцам.

Когда мистер Марч потерял состояние в попытке спасти разорившегося товарища, старшие девочки упростили родителей позволить им работать, чтобы обеспечивать себя. Мистер и миссис Марч считали, что никогда не рано воспитывать в детях активность, трудолюбие и самостоятельность, поэтому согласились, и девочки принялись за работу с усердием и настойчивостью, которые, несмотря на трудности, в конце концов приводят к успеху. Маргарет нашла место гувернантки и радовалась скромному жалованию. Как она сама признавалась, она «обожала роскошь», и бедность ее особенно угнетала. Маргарет было трудней, чем остальным, смириться с бедственным положением, потому что она помнила времена, когда дом был полон красивых вещей, а жизнь – радостей, удовольствия и заманчивых перспектив. Она старалась не завидовать и не проявлять недовольства, однако мечтала иметь красивые платья, веселиться с подружками, учиться и жить безбедно, что вполне естественно для юной девушки. У Кингов же она ежедневно сталкивалась с воплощением желаний – старшие дочери недавно вышли в свет, а Мэг лишь украдкой поглядывала на элегантные бальные платья и букеты, слушала оживленную болтовню о театрах, концертах, катаниях на санях и прочих увеселительных прогулках и наблюдала, как щедро тратятся деньги на столь милые ее сердцу безделушки. Мэг редко жаловалась, однако чувствовала несправедливость и порой обижалась на весь мир, еще не научившись ценить то счастье, которым одарила ее судьба.

Джо почему-то приглянулась тетушке Марч – немощная старушка нуждалась в уходе. Собственных детей у нее не было, и, когда у семейства Марч настали трудные времена, даже предложила удочерить одну из девочек и глубоко оскорбилась отказом. Друзья семьи предрекали, что богатая старушка теперь точно не упомянет неблагодарных родственников в завещании, однако семья заявила: «Мы не отдадим дочерей ни за какие сокровища. В бедности или в богатстве – мы останемся вместе и будем счастливы друг с другом».

Какое-то время старушка с ними не разговаривала, а потом повстречала Джо в гостях, забавные гримасы и непосредственность девочки понравились почтенной даме, и она решила взять ее в качестве компаньонки. Джо такая работа совершенно не подходила, однако, за неимением лучших вариантов, она согласилась и, ко всеобщему удивлению, прекрасно ладит с раздражительной родственницей. Иногда случались бурные сцены, Джо, вернувшись домой, заявляла, что к тетушке больше ни ногой, однако отходчивая старушка Марч вскоре посылала за племянницей столь настойчиво, что та не находила сил отказать, потому что в глубине души прониклась большой симпатией к вспыльчивой даме.

Подозреваю, что главным образом Джо привлекала обширная библиотека, зарастающая пылью и паутиной после смерти дядюшки Марча. Джо хорошо помнила доброго пожилого джентльмена, который разрешал ей строить мосты и железные дороги из больших словарей, рассказывал истории и показывал картинки в странных книжках на латинском языке, а встретив случайно на улице, всегда угощал имбирным печеньем. Темная пыльная комната с уютными креслами, глобусами и высокими стеллажами, с которых взирали многочисленные бюсты, а главное – всевозможными книгами и полной свободой выбора, была для Джо настоящим раем. Когда тетушка Марч отправлялась вздремнуть после обеда или же была занята с гостями, Джо торопливо удалялась в тихое укрытие, сворачивалась клубочком в большом кресле и, как истинный книжный червь, жадно поглощала все без разбора – стихи, исторические романы, книги о любви и путешествиях. Моменты счастья, как водится, были недолгими – стоило дойти до интересного места в истории, трогательного стиха или острого поворота сюжета, как раздавался пронзительный голос:

– Джо-зе-фиии-нааа! Джо-зе-фиии-нааа!

Приходилось спускаться с небес, мотать пряжу, мыть пуделя или часами читать старушке эссе Белшема²⁰.

Джо мечтала сделать в жизни нечто значительное – что именно, она пока не знала и думала, что время покажет, а пока главным несчастьем считала то, что не может читать, бегать и ездить верхом, сколько душе угодно. Горячий нрав, острый язык и неумная натура вечно доставляли ей неприятности, и жизнь Джо представляла собой череду взлетов и падений – одновременно трагичных и смешных. Однако служба у тетушки Марч однозначно шла ей на пользу, и к тому же мысль о собственном заработке очень грела, несмотря на бесконечные «Джо-зе-фиии-нааа!».

Бет была слишком робкой для школы, которую она пыталась посещать: нахождение среди детей обернулось сущей мукой, она оставила попытки и училась дома, с отцом. И даже когда он уехал, а мама стала посвящать все время и силы работе в благотворительных организациях помощи солдатам, Бет исправно продолжала занятия и изо всех сил старалась преуспеть. Маленькая Бет была хозяйственной натурой и помогала Ханне поддерживать уют и порядок в доме и заботиться о тех, кто зарабатывает на хлеб – при этом не ожидая иной награды, кроме любви. Она проводила долгие дни в тишине и покое, однако ей не было скучно или одиноко, потому что ее окружали вымышленные друзья, и она всегда умела найти себе дело. У Бет было шесть кукол, которых она будила и одевала каждое утро, – все как одна, поломанные и страшные, брошенные предыдущими хозяйками. Старшие сестры уже не играли, а Эми тер-

²⁰ Уильям Белшем (1752–1827) – английский писатель и историк.

петь не могла все старое и некрасивое. Из-за того, что их отвергли, Бет относилась к ним с еще большей нежностью и создала специальный госпиталь. Там в тряпичные тела не втыкали иглы, больные не знали ударов и резких слов, даже самые уродливые были окружены заботой, одеты, накормлены, выхожены и обласканы. Одна из пострадавших принадлежала Джо; жизнь ее изрядно потрепала, а закончила она свой путь в самом жалком состоянии в мешке с тряпьем – из этого скорбного приюта ее извлекла Бет и взяла несчастную под свое попечительство. Дыру на голове она заботливо прикрыла чепчиком, отсутствие рук и ног замаскировала, завернув куклу в одеяло, и отдала бедной калекке лучшую кровать. Если кто-нибудь увидел бы, сколько заботы достается поломанной кукле, он, наверное, рассмеялся бы, но был бы тронут до глубины души. Бет приносила кукле маленькие букетики, читала вслух, завернув в свое пальто, выносила на улицу подышать свежим воздухом, пела колыбельные и никогда не ложилась, не поцеловав на ночь чумазое личико и не прошептав нежное «Спокойной ночи, бедная моя!».

У Бет тоже были свои неприятности, она была не ангелом, а обыкновенной девочкой, и ей также случалось «всплакнуть», как выражалась Джо, из-за отсутствия хорошего пианино и возможности брать уроки. Бет страстно любила музыку, изо всех сил старалась учиться и без устали практиковалась на дребезжащем старом инструменте. Казалось справедливым, чтобы кто-нибудь, например тетюшка Марч, поддержал ее рвение. Однако поддержки не было, и Бет в полном одиночестве порой заливала слезами пожелтевшие клавиши безнадежно расстроенного пианино. Выполняя домашнюю работу, она пела, словно жаворонок, всегда была готова сыграть для мамы и сестер и день за днем утешала себя словами: «Если буду стараться, обязательно научусь!»

В мире много таких Бет – тихих и застенчивых, которые скромно сидят в уголке, пока их не позовут, и живут ради других, причем жертвуют собой столь радостно, что никто их не замечает, пока они озаряют дом своим присутствием, однако стоит свету угаснуть, замолкнуть маленькому сверчку у печи, как все погружается в тишину и мрак.

Если кто-нибудь спросил бы Эми, что ее больше всего волнует в жизни, она, не задумываясь, ответила бы:

– Мой нос!

В младенчестве Джо случайно уронила сестру в ящик для угля, что, по уверениям Эми, навсегда испортило форму носа. Он, конечно, не был слишком большим или красным, «как у бедняжки Петрин», однако имел довольно плоский вид и, как она его ни вытягивала, отказывался обретать аристократическую утонченность. Никто не видел изъяна, кроме хозяйки, однако Эми мечтала о греческом профиле и, чтобы немного утешиться, изрисовывала длинными носами целые стопки бумаги.

«Маленькая Рафаэлла»²¹, как прозвали ее сестры, имела явный дар к живописи и не знала большего счастья, чем срисовывать цветы, создавать фей и испещрять поля книг причудливыми картинками. Учителя жаловались, что вместо примеров на грифельной доске Эми появляются животные, на свободных страницах атласов – новые карты, а из учебников в самые неподходящие моменты выпадают карикатуры довольно обидного содержания. Она неплохо справлялась с уроками и избегала замечаний, так как обычно вела себя образцово. Одноклассницы ее обожали, поскольку Эми обладала веселым нравом и счастливым свойством нравиться людям, не прилагая к этому особых стараний. Ее изящные манеры вызывали всеобщее восхищение, как и многочисленные таланты, помимо художественного: Эми могла сыграть целых двенадцать мелодий, вязала крючком и читала на французском, делая ошибки далеко не во всех словах. У нее была жалобная манера говорить «когда папа был богат, мы делали то или другое» – девочки находили это трогательным, а мудреные слова, которые любила вставлять Эми, – «очень изысканными».

²¹ Рафаэль Санти (1483–1520) – итальянский живописец, один из лучших представителей искусства эпохи Возрождения.

В общем, Эми была заслуженно избалованной, и ее тщеславие и самолюбие взращивались всеобщими стараниями. И все же одно обстоятельство сильно задевало гордость Эми – ей приходилось донашивать одежду двоюродной сестры. А у мамы Флоренс не было ни малейшего вкуса, и Эми глубоко страдала, надевая красный чепчик вместо синего, некрасивые платья и вычурные фартуки, которые ей совершенно не шли. Вещи были добротными, хорошо сшитыми и почти новыми, однако эстетическая натура Эми страдала, особенно той зимой, когда ей досталось тусклосиреневое школьное платье в желтый горох и без оборок.

– Единственное утешение, – говорила она Мэг с полными слез глазами, – что мама не укорачивает мои платья, когда я плохо себя веду, как делает мать Марии Паркс! Только представь, до чего ужасно! Она иногда столько умудряется натворить, что приходит в платье по колено! Как подумаю об этом *уничтожении* — даже плоский нос и сиреневое платье с желтыми карманами кажутся вполне сносными.

Мэг была для Эми доверенным лицом и наставницей, а Джо, доказывая, что противоположности притягиваются, опекала Бет. Стеснительная Бет лишь одной Джо доверяла свои мысли, а сама, единственная из всей семьи, не сознавая того, оказывала влияние на свою бесшабашную сестру. Старшие девочки много значили друг для друга, но каждая отвечала за одну из младших, по-своему заботясь, как Бет о заброшенных куклах, повинувшись женскому инстинкту, увлекаясь игрой в «дочки-матери».

– Расскажите что-нибудь! Такой унылый день выдался, я просто умираю от скуки! – попросила Мэг, когда сестры сели шить тем вечером.

– Сегодня вышел презабавный случай с тетушкой! Вот послушайте! – начала Джо, которая обожала рассказывать истории. – Я читала этого скучного Белшема. Я обычно специально монотонно читаю, чтобы тетушка быстрее уснула, а потом достаю хорошую книгу и поглощаю страницу за страницей, пока тетя не проснется. Сегодня я так старалась, что сама начала засыпать и, даже не дождавшись, когда тетушка закроет носом, широко зевнула. Она спросила, не хочу ли я проглотить книгу. «Я бы с удовольствием проглотила, чтобы не дочитывать!» – не слишком почтительно ответила я. Тетя долго меня отчитывала, а потом велела посидеть и подумать о грехах, пока она немного «отдохнет». Отдыхает она обычно долго, поэтому, как только ее чепец начал клониться, как тяжелое соцветие георгина, я достала из кармана «Векфилдского священника»²² и погрузилась в чтение, одним глазком поглядывая на тетушку. Дойдя до места, где герои свалились в воду, я забылась и рассмеялась вслух. Тетушка проснулась, однако после сна она обычно более благодушно настроена, поэтому сказала почитать немного, чтобы посмотреть, какую легкомысленную ерунду я предпочитаю уважаемому и поучительному Белшему. Тут уж я постаралась – и ей понравилось, хоть она и сказала лишь: «Ничего не поняла! Начни сначала, дитя!» Я послушалась и постаралась сделать историю Примроуз как можно увлекательней, а потом схитрила, остановилась на самом интересном месте и смиренно произнесла: «Боюсь, я утомила вас, мэм... Наверное, лучше остановиться». Она подхватила вязание, которое давно уронила на колени, сурово зыркнула на меня сквозь очки и сказала как всегда резко: «Дочитайте-ка до конца главы и не дерзите мне, мисс!»

– Она признала, что ей понравилось? – поинтересовалась Мэг.

– Боже упаси, нет, конечно! Но про старину Белшема больше не упоминала и, когда я забыла перчатки и вернулась, она уже читала «Священника» за милую душу, даже не услышала, как я смеюсь и отплясываю в коридоре. Ах, если бы тетя захотела, она могла бы вести прекрасную жизнь! – ответила Джо, а затем задумчиво добавила: – Впрочем, я ей не завидую, несмотря на ее деньги. Думаю, в итоге у богатых не меньше неприятностей, чем у бедных.

²² «Векфилдский священник» (1766) – роман английского писателя, поэта и драматурга, яркого представителя сентиментализма Оливера Голдсмита (1728–1774).

– Кстати о неприятностях – у меня тоже есть история. Не такая смешная, как у Джо, однако я думаю о ней весь вечер. У Кингов сегодня был жуткий переполох, одна из девочек призналась, что их старший брат совершил что-то ужасное, и отец выгнал его из дома. Я слышала, как миссис Кинг плачет, мистер Кинг кричит, а Грейс и Эллен отвернулись, проходя мимо меня, чтобы скрыть покрасневшие глаза. Я, разумеется, не расспрашивала, но мне стало их жаль. Все-таки хорошо, когда нет старших братьев, которые творят невесть что и позорят семью.

– Позор в школе гораздо *тягостней*, чем позор, навлеченный всякими там братьями... – покачала головой Эми с видом человека, умудренного опытом. – Сюзи Перкинс сегодня пришла с чудесным колечком из сердолика, я страшно завидовала и хотела такое же. Так вот, она нарисовала мистера Дэвиса с громадным носом и горбом и подписала в маленьком кружочке у его рта: «Девочки, я слежу за вами!». Мы смеялись, и вдруг оказалось, что он действительно за нами *следил* и приказал Сюзи принести ему доску. Она была *парализована* от страха и все же подошла, и – ох! – как вы думаете, что он сделал? Он взял ее за ухо – за ухо! Вы только представьте, какой ужас! – отвел на помост для выступлений и заставил стоять там полчаса на виду у всего класса, держа доску.

– Наверное, все девочки посмеялись над картинкой? – спросила Джо, которой понравилась выходка.

– Смеялись? Никто даже не пикнул! Сидели тихо, как мышки! А Сюзи наверняка потом наплакала целое озеро! Я перестала завидовать, потому что после такого позора даже миллион колец из сердолика не в радость. Я никогда – никогда! – не оправилась бы от такого чудовищного унижения! – заключила Эми и вернулась к шитью, гордая сознанием собственного благочестия и тем, что успешно вставила целых два умных слова в одно предложение.

– А я сегодня видела нечто приятное и собиралась рассказать вам за ужином! – сообщила Бет, попутно приводя в порядок корзиночку для шитья Джо, где все было перепутано. – Я сегодня ходила за устрицами для Ханны в рыбную лавку и встретила мистера Лоренса, он меня не видел, потому что разговаривал с продавцом – мистером Каттером, а я стояла за бочкой. Зашла бедная женщина с ведром и тряпкой и предложила мистеру Каттеру вымыть пол взамен на кусок рыбы, потому что она потеряла работу и ей нечем кормить детей. Мистер Каттер торопился и довольно сердито буркнул «Нет!», женщина, грустная и явно голодная, собиралась уходить, и тут мистер Лоренс подцепил своей тростью рыбину и отдал женщине. Она была так рада и удивлена, что взяла рыбину прямо голыми руками и благодарила мистера Лоренса снова и снова. Он велел ей «скорей идти кормить детей», и она довольная поспешила прочь! Разве не мило с его стороны? И она довольно забавно выглядела, прижимая к груди большую скользкую рыбу и проча «доброму мистеру» райскую благодать.

Все посмеялись над историей Бет, и настала мамина очередь рассказывать; она подумала и серьезно заговорила:

– Я сегодня делала выкройки для синих фланелевых мундиров и стала думать про вашего отца. Мне подумалось, как одиноки и беспомощны мы будем, если с ним что-нибудь случится. Так я и сидела, предаваясь тревожным мыслям, хоть в этом и нет никакого проку, пока не зашел старик за заказом. Он выглядел бедным, уставшим и озабоченным и сел рядом, поэтому я с ним заговорила.

«У вас сыновья в армии?» – спросила я.

«Да, мэм. Было четверо, двое погибли, третий в плену, а я еду к четвертому – он в Вашингтонском госпитале, очень болен», – тихо ответил мужчина.

«Вы много сделали для страны, сэр!» – сказала я, и моя жалость сменилась уважением.

«Я лишь исполнил долг, мэм – ни больше ни меньше. Я бы сам пошел, будь от меня польза... А так отправил мальчишек и не жалею...»

Он говорил о том, что искренне жертвует самым дорогим, без горечи. Мне стало стыдно, ведь я отпустила на войну мужа и думала, что это слишком много, а он отдал четверых сыновей и не ропщет. Мои дочери ждут меня дома, а он едет далекодалеко к последнему живому сыну, возможно, чтобы попрощаться с ним... Я поняла, как мне повезло, сколь многим одарила меня жизнь, и завернула старику гостинцев, дала немного денег, сердечно поблагодарив за преподнесенный урок.

Наступила тишина, затем Джо попросила:

– Расскажи еще историю, мама! Чтобы была мораль, как в этой! Я люблю вспоминать их после, если они правдивые и не слишком похожи на проповедь.

Миссис Марч улыбнулась и немедленно приступила к рассказу – она уже много лет выступала перед этой маленькой аудиторией и знала, чем порадовать слушательниц.

– Жили-были четыре сестры, у них было достаточно еды, питья, одежды, радостей и удовольствий, добрые друзья и любящие родители, однако девочки все равно были недовольны.

Тут слушательницы украдкой переглянулись и усердной взялись за шитье.

– Девочки хотели стать лучше и много раз давали правильные обещания, однако не сдерживали их и часто говорили: «Жаль, что у нас нет этого» или «Жаль, что мы не можем сделать того», забывая, как много имеют и как много приятных занятий им доступно. И вот они отправились к колдунье и спросили, какое заклинание нужно произнести, чтобы стать счастливыми. Колдунья ответила: «Как только почувствуете недовольство, вспомните о том, что имеете, и поблагодарите».

Джо вскинула глаза, словно собиралась что-то сказать, но, увидев, что история еще не закончена, передумала.

– Благоразумные девочки решили последовать совету, и вскоре их жизнь чудесным образом улучшилась. Одна поняла, что горе и позор не обходят богатые дома стороной, другая – что она гораздо счастливее состоятельной, но немощной старушки, поскольку обладает молодостью, здоровьем и веселым нравом, третья осознала, что хоть ей и приходится помогать готовить ужин, ей хотя бы не нужно просить милостыню, а четвертая девочка убедилась, что кольцо из сердолика не спасает от наказаний. Девочки решили больше не жаловаться, радоваться тому, что имеют, и стараться это заслужить, чтобы судьба не лишила их даров, а наоборот – одарила щедрее. Думаю, они ни разу не пожалели, что послушались совета старой колдуньи.

– Мама, так нечестно – ты обернула наши же истории против нас и прочла проповедь вместо того, чтобы развлечь! – вскричала Мэг.

– А мне нравятся такие проповеди – совсем как папины... – задумчиво сказала Бет, выравнивая иголки на подушечке Джо.

– Лично я жалуясь меньше, чем остальные, а сейчас, увидев крах Сюзи, тем более буду осторожней! – нравоучительно заявила Эми.

– Да уж, нам нужен был этот урок, и мы его не забудем. А если забудем, скажи нам, как старая Хлоя из «Дядюшки Тома»²³: «Радуйтесь, дети мои, ибо шудьба благошклонна!» – добавила Джо: она ни за что на свете не упустила бы возможности слегка подшутить над маминой проповедью, хоть и прониклась ею не меньше сестер.

²³ «Хижина дяди Тома» (1852) – роман американской писательницы Гарриет Бичер-Стоу (1811–1896).

Глава пятая

Добрые соседи

– Куда ты собралась, Джо? – воскликнула Мэг снежным днем, увидев, как сестра ковыляет к выходу в теплых сапогах, старом балахоне с капюшоном, с метлой в одной руке и совком в другой.

– Пойду разомнусь! – ответила Джо, хитро поблескивая глазами.

– Ты уже два раза гуляла утром – неужели недостаточно? На улице холодно и промозгло, я бы тебе посоветовала остаться в тепле и уюте около огня – как я, – сказала Мэг, поежившись.

– Не собираюсь следовать советам и сидеть на месте целый день! Я не кошка, чтобы дремать у камина. Я люблю приключения и пойду их искать!

Мэг продолжила греть ножки и читать «Айвенго»²⁴, а Джо принялась энергично мести тропинки. Снег был легким, и вскоре Джо расчистила дорожку по периметру всего сада, чтобы, когда выйдет солнце, Бет вывела прогулять больных кукол. Нужно сказать, что сад дома Марчей граничил с садом мистера Лоренса. Оба дома располагались на окраине города, скорее походившей на сельскую местность с аллеями, лужайками, большими садами и тихими улочками. Владения Марчей и Лоренсов разделялись низкой изгородью. По одну сторону стоял старый коричневый домик, который в отсутствие вьюнков, украшавших стены в летнее время, и цветочных клумб смотрелся голым и обшарпанным. По другую сторону расположился величественный каменный особняк, удобный и роскошный – с большим амбаром для карет, ухоженной территорией, оранжереей и множеством прекрасных вещей, скрытых за богатыми шторами. Правда, смотрелся особняк довольно одиноко и безжизненно, ибо на лужайке не резвились дети, матери не улыбались им из окон, и почти никто не входил и не выходил из здания, кроме старого джентльмена и его внука.

Буйная фантазия Джо рисовала многочисленные сокровища и утехи, спрятанные ото всех в недрах таинственного особняка. Она давно мечтала получить доступ к скрытым от людского глаза красотам и познакомиться с мальчишкой Лоренсом – судя по виду, тот был не прочь завести дружбу, но не знал как. После бала ее желание только усилилось, и она строила множество планов, однако мальчик в последнее время не показывался, и Джо думала, что он уехал, пока однажды не заприметила в одном из верхних окон его смуглое лицо с грустью смотрящее на их сад, где Бет с Эми кидались снежками.

«Мальчишке не хватает общения и веселья! – сказала себе Джо. – Дедушка ничего не понимает и держит внука взаперти. Нужны товарищи для игр, молодые и веселые! Вот пойду и все выскажу мистеру Лоренсу!»

Идея показалась Джо забавной – она вообще любила смелые поступки и часто вытворяла что-нибудь эдакое, к ужасу Мэг. Идея не оставляла Джо, и тем снежным днем она вознамерилась сделать все возможное. Увидев, как мистер Лоренс уехал, Джо принялась копать тропинку к изгороди, а достигнув цели, остановилась и стала наблюдать. Все тихо. На нижнем этаже шторы опущены; слуг не видно, и вообще никакого человеческого присутствия, кроме темного кудрявого затылка в верхнем окне.

«Вот он где! – подумала Джо. – Бедняга! Совсем один и, похоже, не вполне здоров. Какая жалость! Кину-ка я снежок, чтобы он выглянул, и скажу что-нибудь хорошее!»

²⁴ «Айвенго» (1819) – приключенческий роман, написанный шотландским писателем и поэтом сэром Вальтером Скоттом (1771–1832).

В стекло ударился комок мягкого снега, голова тотчас же обернулась, и показалось лицо, с которого мигом сошла унылая гримаса – глаза загорелись, а рот растянулся в улыбке. Джо закивала и, со смехом размахивая метлой, закричала:

– Как поживаешь? Ты не болен?

Лори открыл окно и ответил хриплым, похожим на карканье, голосом:

– Уже лучше, спасибо! Жутко простыл, неделю сидел дома.

– Очень жаль! Как ты развлекался?

– Никак! Здесь мрачно, как в могиле.

– Разве ты не читаешь?

– Немного. Мне не разрешают.

– А нельзя кого-нибудь попросить почитать вслух?

– Дедушка иногда читает, но ему не интересны мои книги, а все время просить Брука мне неловко...

– Тогда пусть кто-нибудь тебя навестит!

– Не хочу никого видеть. От мальчишек много шума, а у меня голова болит.

– У тебя нет знакомой девочки, чтобы почитать и развлечь тебя? Девочки обычно не шумят и любят играть в сиделок.

– Девочек я не знаю...

– А как же я? – рассмеялась Джо.

– Правда! Навести меня, пожалуйста! – воскликнул Лори.

– От меня тоже немало шума, но я обязательно навещу, если мама разрешит. Пойду спрошу! А теперь будь благоразумным мальчиком – закрой окно и жди моего возвращения.

С этими словами Джо закинула метлу на плечо и отправилась в дом, гадая, что скажут мама и сестры. Лори разволновался и стал торопливо готовиться к приходу гостей, потому что был, как правильно подметила миссис Марч, «настоящим маленьким джентльменом» – пригладил буйные кудри, нацепил свежий воротник и постарался прибраться в комнате, которая, несмотря на пятерых слуг, опрятностью не отличалась. Вскоре в дверь громко позвонили, затем решительный голос потребовал «мистера Лори», а потом появился удивленный слуга, объявив о приходе дамы.

– Впустите ее, это мисс Джо! – сказал Лори и встал в дверях своей маленькой гостиной, чтобы встретить гостью – добродушная и покрасневшая, она, кажется, ощущала себя вполне в своей тарелке и несла в одной руке накрытое полотенцем блюдо, а другой держала трех котят.

– А вот и я – со своим имуществом! – живо заявила она. – Мама передавала наилучшие пожелания и с удовольствием отпустила меня, чтобы я могла быть тебе полезной. Мэг передала свой фирменный бланманже – пальчики оближешь! – а Бет решила порадовать тебя котятами. Я была уверена, что ты разозлишься, однако Бет очень уж хотела сделать что-нибудь для тебя, и я не смогла отказать.

Однако случилось так, что спорный подарок Бет пришелся как нельзя кстати, ибо, смеясь над котятами, Лори перестал стесняться и стал общаться свободно.

– Слишком красиво, чтобы съесть! – с довольной улыбкой произнес он, когда Джо сняла полотенце и показала ему блюдо с бланманже, украшенное зелеными листочками и алыми цветками герани, выращенной Эми.

– Ерунда. Просто каждый по-своему хотел выразить дружеское расположение. Попроси, чтобы десерт тебе подали к чаю – он не слишком сытный, а еще нежный и не повредит больному горлу. Уютная комната!

– Могла бы быть уютной, если бы содержалась в порядке. Горничные ленивые, и им все равно... А мне здесь не нравится, но я не знаю, как исправить...

– Это ж минутное дело! Нужно только подмести камин – вот так! Аккуратно расставить вещи на каминной полке – вот! Книжки сюда... Бутылки сюда... Диван подвинуть... подушки взбить... Ну вот, порядок!

И правда – болтая и смеясь, Джо расставила вещи по местам, и комната теперь выглядела совсем иначе. Лори смотрел на Джо с немым благоговением, а когда она указала ему на диван, уселся со вздохом полного удовлетворения и благодарно сказал:

– Ты очень добра! Именно этого я и хотел! А сейчас садись в большое кресло и позволь мне развлечь гостью!

– Нет, это я пришла развлекать. Хочешь, почитаю? – предложила Джо, жадно обводя взглядом комнату – книги на полках выглядели очень привлекательно.

– Спасибо, но это все я уже читал. Давай лучше поговорим! – ответил Лори.

– С удовольствием! Говорить я могу хоть целый день – только дай мне волю. Если верить Бет, я вообще не замолкаю.

– Бет – это румяная девочка? Та, что сидит дома, но иногда выходит на улицу с корзинкой? – с интересом осведомился Лори.

– Да, это моя малышка Бет! Она молодчина!

– Красавица – это Мэг, а кудрявая малышка – это Эми, верно?

– Откуда ты знаешь?

Лори залился краской, однако честно ответил:

– Ну, я слышу, как вы друг друга окликаете, а я сижу тут один и часто смотрю на ваш дом, у вас всегда интересно... Знаю, это невежливо, и прошу прощения, но... порой вы забываете опустить шторы в комнате с цветами, и, когда зажжены лампы, я словно любуюсь картиной – огонь в камине, и вы сидите за столом с мамой. Она обычно прямо напротив окна, и ее лицо сквозь цветы на подоконнике особенно милое, я не могу удержаться и смотрю. У меня нет матери, понимаешь?..

Лори стал ворошить угли в камине, чтобы скрыть невольно задрожавшие губы. В его взгляде сквозили одиночество и тоска, и доброе сердце Джо мгновенно растаяло. Она была воспитана просто – в ее голове не было запутанных теорий, в свои пятнадцать лет она не потеряла детской искренности и невинности. Лори болен и одинок, а она щедро одарена домашним уютом и счастьем и готова поделиться! Ее личико смягчилось, а резкий голос был непривычно нежным, когда она произнесла:

– Мы больше не будем опускать штору, смотри сколько хочешь. А лучше бы ты не смотрел, а сидел с нами! Мама – золото! Бет (если хорошенько поупрашивать) спела бы, Эми станцевала, а мы с Мэг показали бы тебе декорации – ты посмеялся бы! – и все мы здорово повеселились бы! Неужели дедушка тебя не отпустит?

– Наверное, отпустит, если твоя мама пригласит. Он очень добрый, хоть по виду и не скажешь; вообще, он разрешает мне делать почти все, что я хочу, только не любит, чтобы я доставлял неудобства чужим людям.

– Мы не чужие люди, а соседи, и никаких неудобств ты не доставишь. Мы правда хотим с тобой подружиться, и я уже давным-давно пытаюсь. Мы живем тут не так уж долго, однако познакомились со всеми соседями, кроме вас.

– Видишь ли, дедушка довольствуется обществом книг, мистер Брук не из этих краев, и некому меня познакомить с соседями, так что я сижу дома – обхожусь без знакомств.

– Плохо! Надо себя пересилить и пойти во все дома, куда звали, тогда появятся и друзья, и приятно проведешь время. Стеснительность пройдет!

Лори снова покраснел, но не обиделся на то, что его уличили в стеснительности, потому что Джо желала добра, и ее речи, хоть и резкие, проистекали из благих побуждений – этого нельзя было не заметить.

– Тебе нравится школа? – сменил Лори тему после непродолжительного молчания, в ходе которого хозяин смотрел на огонь, а гостя с удовольствием оглядывала комнату.

– Я не хожу в школу! Я добытчик, в смысле добытчица... Я присматриваю за тетушкой – пре-сердитой старушенцией, надо сказать! – ответила Джо.

Лори открыл было рот, чтобы задать следующий вопрос, но вовремя вспомнил, что невежливо совать нос в чужие дела, и снова его закрыл. Джо оценила хорошие манеры, однако вовсе не возражала посмеяться над тетушкой Марч и в красках описала нервную старушку, ее толстого пуделя, говорящего на испанском попугая и заветную библиотеку. Лори слушал, затаив дыхание, и Джо рассказывала, как к тетушке Марч однажды пришел свататься солидный джентльмен, а попугай Пол стащил парик с его головы, чем несказанно расстроил визитера. На этом месте рассказа Лори повалился на диван и хохотал так, что по щекам полились слезы, а в дверь заглянула обеспокоенная горничная.

– От твоих рассказов мне гораздо лучше! Продолжай, пожалуйста! – попросил он, отнимая от покрасневшего веселого лица диванную подушку.

Окрыленная успехом, Джо продолжила – поведала об играх, планах, надеждах и страхе за отца – обо всех главных событиях, происходивших в их с сестрами тесном мирке. Потом разговор зашел о книгах, и, к великой радости Джо, оказалось, что Лори любит книги так же, как она, а прочел их даже больше.

– Раз ты так любишь книги, спустись и посмотри наши! Не бойся, дедушки нет дома! – предложил Лори, поднимаясь с места.

– Ничего я не боюсь! – встряхнула головой Джо.

– Не сомневаюсь! – горячо подтвердил мальчик, восхищенно глядя на Джо, а сам подумал, что старого джентльмена в дурном расположении духа все же стоит опасаться.

Атмосфера в доме вдруг стала по-летнему расслабленной, Лори водил Джо по комнатам и позволял изучать все, что казалось ей интересным. Так они дошли до библиотеки, при виде которой Джо захлопала в ладоши и высоко подпрыгнула, как делала всегда, когда приходила в восторг. Комнату украшало множество картин и статуэток, тут были и заманчивые шкафчики с коллекциями монет и прочего антиквариата, и глубокие кресла, и вычурные столики, и бронзовые фигурки. Однако больше всего Джо впечатлил огромный открытый камин, искусно отделанный плиткой.

– Какое великолепие! – вздохнула Джо, утопая в обитом бархатом кресле и оглядываясь с видом глубокого удовлетворения. – Теодор Лоренс, ты, должно быть, счастливейший мальчик на свете! – важно заявила она.

– Одними книжками сыт не будешь, – заметил Лори, присаживаясь напротив на краешек стола.

Не успел он продолжить мысль, как в дверь позвонили. Джо вскочила, встревоженно воскликнув:

– Боже мой! Дедушка вернулся!

– Ну и что? Ты же ничего не боишься, забыла? – хитро заметил Лори.

– Его я все же немножко боюсь, хотя, наверное, зря. Мама разрешила навестить, и тебе, вроде, хуже не стало, – сказала Джо, успокаиваясь, однако поглядывая на дверь.

– Мне гораздо лучше, и я очень признателен! Боюсь только, что утомил тебя разговорами, было очень приятно, я просто не мог тебя отпустить!

– К вам доктор, сэр! – сообщила горничная, поманив его за собой.

– Мне надо идти... Подождешь немного? – спросил Лори.

– Не беспокойся! Здесь я счастлива, как медведь в малиннике! – ответила Джо.

Лори удалился, а его гостя, предоставленная сама себе, прекрасно проводила время. Она стояла у большого портрета, когда за ее спиной снова открылась дверь, и, не оборачиваясь, решительно заявила:

– Бояться его не стоит, я уверена – глаза добрые, хотя губы мрачно сжаты, и в целом вид крайне своенравный. Не красавец, конечно, как мой дедушка, но мне нравится!

– Спасибо, мэм! – произнес хриплый голос, и, обернувшись, потрясенная Джо увидела перед собой старого мистера Лоренса.

Бедняжка Джо еще никогда так не краснела, а сердце ее забилось угрожающе быстро при воспоминании о произнесенных словах. С минуту ей непреодолимо хотелось убежать прочь, но это было бы трусливо, и сестры смеялись бы над ней, поэтому она решила остаться и как-то выпутываться. Присмотревшись, она заметила, что у оригинала глаза под кустистыми седыми бровями были даже добрее, чем на портрете – они хитро поблескивали, и Джо немного успокоилась. Последовала мучительная пауза, а затем все тот же сильный голос спросил:

– Значит, бояться меня не стоит?

– Не стоит, сэр! – подтвердила Джо.

– И я не так красив, как ваш дедушка?

– Нет, сэр.

– И крайне своенравен, по-вашему?

– Я лишь предположила...

– Несмотря на все это, я вам нравлюсь?

– Совершенно верно, сэр.

Последний ответ пришелся старому джентльмену по вкусу. Он коротко рассмеялся, пожал Джо руку, затем, приподняв ее голову за подбородок, долго изучал и наконец отпустил со словами:

– Лицом на деда вы не похожи, а характером – да. Он и правда был красив, дорогая, но что важнее – храбр и честен. Я гордился нашей дружбой.

– Спасибо, сэр! – сказала довольная Джо – полученная характеристика полностью ее устраивала.

Следующий вопрос прозвучал довольно сурово:

– Что вам понадобилось от моего внука?

– Я навестила по-соседски... – ответила Джо и рассказала, как прошел визит.

– Считаете, ему нужно поднять дух?

– Да, сэр; по-моему, ему одиноко, и компания мальчиков ему не помешала бы. Мы не мальчишки, но с радостью сделаем все, что в наших силах – мы не забыли роскошного подарка, который получили на Рождество! – пылко воскликнула Джо.

– Глупости! Это все мой мальчишка придумал. Как поживает бедная женщина?

– Хорошо, сэр!

Джо затараторила, рассказывая о семействе Хаммел и о том, как мама нашла более состоятельных друзей, которые согласились им помочь.

– Любит творить добро, совсем как ее отец! Как-нибудь навещу вашу матушку! Вы ей передайте, пожалуйста. Звонят, это приглашение на чай, мы пьем рано из-за болезни мальчишки. Надеюсь, вы к нам присоединитесь... по-соседски?

– Если вы хотите, чтобы я осталась, сэр...

– Зачем бы я иначе приглашал? – проворчал мистер Лоренс и со старомодной галантностью предложил даме руку.

«Представляю, как Мэг удивится!» – думала Джо, шествуя в столовую об руку с мистером Лоренсом.

– Какой бес вселился в этого мальчишку? – проворчал пожилой джентльмен, поскольку Лори вприпрыжку бежал по лестнице и изумленно застыл при виде Джо в сопровождении его грозного деда.

– Я не знал, что вы уже дома, сэр... – начал он, а Джо тайком бросила ему торжествующий взгляд.

– Оно и видно – несешься сломя голову!.. Пожалуйста к чаю, сэ, и ведите себя, как подобает джентльмену!

Мистер Лоренс шутливо дернул внука за вихры и проследовал дальше, а Лори за его спиной состроил несколько гримас, отчего Джо едва не расхохоталась.

За чаем старик Лоренс больше молчал, наблюдая за молодыми людьми (те вскоре продолжили непринужденно болтать, словно старые друзья), и от него не укрылась перемена, произошедшая во внуке. На лице засиял румянец, манеры обрели живость, а смех – искреннюю веселость.

«Она права, парнишка действительно одинок», – подумал мистер Лоренс, наблюдая и слушая диалог.

Джо ему понравилась, пришлось по душе ее непосредственность и резкость, к тому же она, казалось, нашла взаимопонимание с Лори не хуже любого мальчишки.

Будь Лоренсы «важными и надутыми», Джо ни за что бы с ними не сошлась – она всегда робела и терялась в присутствии таких людей, однако соседи оказались простыми и открытыми, Джо была самой собой и, конечно, произвела прекрасное впечатление. Когда поднялись из-за стола, Джо собиралась прощаться, однако Лори хотел показать кое-что еще и повел ее в оранжерею, где специально в честь гостыи зажгли свет. Джо словно попала в сказку – они шли по узким проходам между зелеными цветущими стенами, струился мягкий свет, и влажный воздух был пропитан сладкими ароматами, а над головами висели виноградные лозы и возвышались деревья; новый друг нарезал для нее охапку самых красивых цветов – когда они начали валиться из рук, он связал букет веревкой и торжественно произнес:

– Пожалуйста, передай маме и скажи, что она послала мне лучшее лекарство!

К удовольствию Джо, лицо Лори светилось от радости.

Мистер Лоренс ожидал у камина в большой гостиной, однако внимание Джо привлек не хозяин, а величественный рояль с открытой крышкой.

– Ты играешь? – с уважением глядя на Лори, спросила она.

– Иногда, – скромно ответил тот.

– Поиграй, пожалуйста! Я хочу послушать и рассказать Бет!

– Давай ты первая!

– Я не умею – такую тупицу выучить непросто, но очень люблю музыку!

Лори начал играть, а Джо слушала, зарывшись носом в роскошный букет цветов гелиотропа и чайных роз. «Мальчишка Лоренс» значительно вырос в ее глазах, потому что играл замечательно и при этом не задирал нос. Джо сожалела лишь о том, что Бет его не слышит, однако вслух ничего не сказала – зато принялась бурно расхваливать Лори и окончательно его засмутила, благо дедушка пришел внуку на помощь:

– Хватит-хватит, мисс! Слишком много лести ему не на пользу! Играет он прилично, однако не стоит забывать и о других важных науках. Уже уходите? Очень вам признателен и надеюсь, вы еще нас навестите. Наилучшие пожелания маме! Доброй ночи, доктор Джо!

Он душевно пожал гостье руку, но был чем-то расстроен. Выйдя в холл, Джо спросила у Лори, не сболтнула ли она чего-нибудь. Тот покачал головой.

– Это из-за меня. Он не любит, когда я играю.

– Почему?

– Когда-нибудь расскажу. Джон проводит тебя домой – мне пока нельзя выходить.

– Не стоит! Я не очень важная дама, и идти два шага. Выздоровливай, ладно?

– Хорошо! Ты ведь придешь снова?

– Если пообещаешь навестить нас, когда поправишься.

– Обязательно!

– Спокойной ночи, Лори!

– Спокойной ночи, Джо! Спокойной ночи!

Когда Джо закончила рассказ о своих приключениях, было решено отправиться в гости всей семьей – большой дом по ту сторону изгороди чем-то манил каждого из ее членов: миссис Марч хотела поговорить с человеком, который помнит ее отца, Мэг мечтала погулять по оранжерее, Бет вздыхала по величественному роялю, а Эми не терпелось посмотреть на картины и статуи.

– Мама, а почему мистер Лоренс не любит, когда Лори играет? – спросила Джо, снедаемая любопытством.

– Думаю, это связано с его сыном – отцом Лори. Он женился на пианистке из Италии, чем задел гордость родителя. Та дама была доброй, милой и образованной, но мистеру Лоренсу не нравилась, и после свадьбы он с сыном не разговаривал. Родители Лори умерли, когда он был маленьким, и дедушка забрал его к себе. Предполагаю, мальчик, рожденный в Италии, довольно слаб здоровьем, и старый мистер Лоренс боится его потерять, поэтому постоянно оберегает. Любовь к музыке у Лори в крови, он унаследовал ее от матери, и мистер Лоренс наверняка опасается, что мальчик решит стать музыкантом. Во всяком случае, мастерство Лори напоминает о женщине, которая ему не нравилась, поэтому он и «сверкает глазами», как ты выражаешься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.